

18+

ЕКАТЕРИНА ГОРН

ЗВОН
НАВЬ

Екатерина Горн

Звон. Навь

«Издательские решения»

Горн Е.

Звон. Навь / Е. Горн — «Издательские решения»,

Пятьсот лет он живёт в тени колокольни, питаясь жизнями тех, кто слышит его зов. Его называют проклятым, чудовищем, духом. Он сам в это верит. Арина приехала на Валдай, чтобы забыть прошлое, и не верит в легенды. Но однажды ночью она слышит звон и чувствует: кто-то смотрит на неё из темноты. Этот взгляд обещает вечность. Но готова ли она заплатить за любовь самую высокую цену — ту, что изменит всё?

© Горн Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Прибытие	9
Глава 2. Соседи	16
Глава 3. Первая прогулка	21
Глава 4. Дмитрий	24
Глава 5. Ночной кошмар	28
Глава 6. Знахарь	30
Глава 7. Поиски	32
Глава 8. Зов	35
Глава 9. Исповедь	38
Глава 10. Тайна	40
Глава 11. Вороны	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Звон Навь

Екатерина Горн

© Екатерина Горн, 2026

ISBN 978-5-0069-7907-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В северных пределах земли Русской, средь дремучих лесов и бесчисленных озёр, затерялся край, отмеченный особой печатью — то ли Божьей благодатью, то ли силой иной, более древней и тёмной. Край этот зовётся Валдаем.

Было то в пятидесятых годах столетия девятнадцатого, когда Россия, опаматовавшись от нашествия двенадцати языков, ещё помнила лихую годину, но уже вступала в пору нового, неведомого доселе величия. Император Николай Павлович, рыцарь самодержавия, твёрдой рукой правил империей, и его заботами Московский тракт — главная артерия, соединявшая две столицы, — сделалось едва ли не лучшим во всей Европе. По этому тракту, мимо Валдая, катили теперь не только почтовые тройки со знаменитыми валдайскими колокольчиками, но и дорогие экипажи вельмож, и обозы с товарами, и казённые фельдъегеря с важными депешами.

В ту пору Валдай, уездный город Новгородской губернии, стоял на самом возвышенном пункте сего знаменитого тракта, в ста тридцати одной версте от губернского города. Раскинулся он по береговому скату Валдайского озера, и всякий проезжающий, утомлённый дорожной скукой, невольно задерживал взгляд на этой внезапно открывающейся красоте. Исстари славился Валдай — не токмо живописными видами, но и ремёслами своими: кузнечным делом, что велось здесь едва ли не с тех пор, как через эти места прогоняли гурты скота из Москвы в Великий Новгород, и особливо — звонкими ямскими колокольчиками, чей голос, по преданию, пошёл от самого вечевоего колокола, что разбился здесь, когда везли его в Москву. А ещё шептались, что на колокололитейном заводе братьев Усачёвых льют колокола не только для храмов, но и для чего-то иного — для чего, не всякий решался спросить.

Главной же драгоценностью здешних мест почитался Иверский Святоозерский Богородицкий монастырь, поставленный ещё при царе Алексее Михайловиче, ревностным патриархом Никоном. Обитель сия стояла на Рябиновом острове, посреди Валдайского озера, и в те годы, о коих речь, монастырь сей был в самой поре своего расцвета, входил в число крупнейших первоклассных обителей. Белые стены его, золотые главы соборов и высокая колокольня виднелись издалека, и благочестивые путники, завидя их, крестились на дорожную слободу, поминая, что здесь покоятся многие чтимые святые, а в ризнице хранится древняя рукописная библиотека.

Однако окромя этой видимой, благолепной жизни, о которой писали в столичных путеводителях, была и другая — потаённая, сокровенная жизнь Валдая. О ней знали лишь местные старожилы, да и те помалкивали, боялись сглазу или чего похуже. Ибо край сей издревле был полон тайн и преданий. Сама природа здесь словно замерла в вечном раздумье: холмы, именуемые Валдайскими горами, сменяются низинами и болотами, сосновые боры — топями, а зеркальная гладь бесчисленных озёр отражает небо столь совершенно, что порою кажется — небо это уходит не ввысь, а в бездонную глубину под ногами. Раскопки учёных мужей, князя Путятина и прочих, доказали, что в здешних местах люди обитали ещё в незапамятные времена, и многочисленные курганы, разбросанные по уезду, хранят прах давно забытых племён. В Новолацком приходе, сказывают, есть особенные кладбища, выложенные дикими валунами в виде саркофагов, и кто там похоронен — никому не ведомо.

Вода в озёрах здесь особенная, тяжёлая, словно настоящая на древней памяти веков. Сказывают старожилы, что в каждом озере — своя душа, свой нор и своя память. Одни помнят ещё те времена, когда по берегам стояли капища идольские и жрецы в холщовых одеждах приносили жертвы богам, имена которых стёрлись из людской памяти, но не из памяти воды. Иные же озёра, по слухам, хранят следы более позднего, литовского разорения, когда край сей не раз бывал разорением иноплеменниками.

Но есть среди этого приволья одно место, о котором даже бывалые охотники говорят шёпотом, а бабы крестятся, заслышав его название. Место это — старая колокольня в лесу, за Валдайским озером, на Соколином мысу. Ныне не сыскать уже её и следа: заросли тропы буреломом, сгнил и рухнул последний камень, и только самые старые из стариков, качая головами, показывают внукам направление — мол, там, за оврагом, где нынче глухая чаща, стояла когда-то та самая башня. Но в середине столетия девятнадцатого, когда действие нашего повествования вершилось, колокольня та ещё возвышалась над лесом, пугая окрестных жителей своим мрачным видом и недобрый славой.

Кто и когда возвёл её — не помнил уже никто. Одни говорили, что стоял здесь прежде скит или монастырёк, приписанный к Иверской обители, да сгинул в лихолетье, и только колокольня уцелела — как перст Божий, одиноко торчит, в небо указывает. Другие шептались, что место это языческое, древнее, и колокольню поставили ещё до появления монастыря, чтобы колокольным звоном отогнать нечисть, что гнездилась здесь испокон веку. Третьи и вовсе помалкивали, только плечами пожимали, когда речь заходила о том, откуда взялась в глухом лесу эта высокая башня из тёмного, почти чёрного кирпича, на который, казалось, и время не действует.

А колокольня стояла. Стояла себе, заросшая мхом и ползучим плющом, с пустыми глазами окон, с провалившейся крышей, сквозь которую проглядывало небо. И висел на ней колокол — огромный, тёмный, с зеленоватым налётом древней патины, отлитый, быть может, теми самыми усачёвскими мастерами, а может, и кем-то иным, в стародавние времена. Не звонили в него монахи, не били сторожа — давно уже не было здесь ни монахов, ни сторожей. А колокол иногда гудел сам по себе.

Говорят, в ветреную погоду, когда над озером поднимаются высокие волны, а в лесу стонут сосны, можно услышать далёкий, печальный звон. Он идёт словно бы из-под земли, из самой глубины — или, может статься, из человеческой души, из тех её потаённых уголков, где живут самые древние, самые тёмные страхи. Одни утверждали, что это просто игра ветра в пустом проёме. Другие — что это души умерших иноков оплакивают свою погибшую обитель. А третьи знали правду, но молчали о ней, потому что правда эта была страшна и непонятна.

Правда же такова: более пятисот лет назад, в те смутные времена, когда Русь терзали междоусобицы да половецкие набеги, на этом самом месте погиб молодой княжич. Был он красив и знатен, любил и был любим, но судьба распорядилась иначе — вороги напали на его терем, вырезали всю семью, а его самого приволокли к недостроенной ещё колокольне и повесили на колоколе. Долго мучился княжич, умирая на верёвке, глядя, как восходит солнце над лесом, и душа его, исполненная такой боли и такой злобы, что не нашлось ей места ни в раю, ни в аду, осталась здесь — привязанная к колоколу, к месту тому, к земле, пропитанной его кровью.

И с той поры, когда наступает полнолуние, когда граница между мирами становится тонкой, как льдинка по весне, звенит колокол. И тот, кто услышит этот звон, уже не сможет его забыть. Будет ходить человек в лес, к колокольне, будет слушать и ждать — сам не зная чего. Иные пропадали без вести, иные с ума сходили, иные таяли на глазах, как воск от свечного пламени, — так что доктора, приезжавшие из города, только руками разводили: сердце, мол, слабость сердечная.

Но была одна — молодая девушка из самого Петербурга, что приехала на Валдай в ту самую пору, о коей идёт речь, искать покоя и новой жизни. Она услышала звон — и не пропала. Она пошла к колокольне — и не сошла с ума. Она встретила княжича — и не умерла, а напротив, сумела разглядеть в нём не чудовище лютого, а душу маетную, в темнице запертую.

История эта долгая, странная и страшная. История о любви, что сильнее смерти, о жертве, что превыше жизни, и о том, что даже в самом тёмном лесу может взойти свет, если сумеешь его разглядеть. Самой колокольни той давно уж нет — сгинула, как сгинуло многое, и осталась

о ней лишь смутная память в народе, да и та, с годами, превратилась в легенду, в сказку, какой пугают малых детей. Но бывает, что в тихую лунную ночь, когда ветер стихает и озеро становится гладким, как зеркало, старые люди всё ещё слышат тот далёкий, печальный звон — или это им просто чудится от полноты воспоминаний? Этого уж не разобрать.

Начинается же история сия обыкновенно — с дороги, с октябрьского ветра и с ощущения, что в мире есть нечто большее, чем мы способны постичь своим несовершенным умом. И случилось это в середине пятидесятих годов девятнадцатого столетия, когда Россия была ещё великой державой, а Валдай — шумным уездным городом на Московском тракте, где звенели колокольцы, цокали подковы по булыжной мостовой и пахло свежими баранками, коими славилась сия местность исстари.

Глава 1. Прибытие

Поезд из Петербурга прибыл на станцию Валдай во второй половине дня, когда октябрьское солнце, уже утомлённое своим дневным странствием, медленно клонилось к закату. Сосны плотной стеной обступили станцию с трёх сторон, и тени их лежали на путях — острые, чёрные, словно вырезанные ножом из самого плотного, непроницаемого мрака.

Впрочем, станция сама по себе была делом в этих местах недавним и ещё непривычным для местных жителей. Николаевская железная дорога, соединившая две столицы, прошла через Валдайский уезд всего несколько лет назад, и теперь редкие поезда, пытая и отдуваясь, как загнанные звери, врываются в этот дремучий край, нарушая его вековую тишину. Для коренных обитателей Валдая железная дорога была диковинкой, почти чудом, о котором старики рассказывали внукам с таким же благоговейным страхом, с каким прежде рассказывали о леших и водяных. Для Арины же, выросшей в самом сердце Петербурга, этот поезд был всего лишь дорожной докукой — утомительной, душной, но неизбежной.

Она стояла на перроне одна. В озябшей руке, побелевшей от холода и напряжения, она сжимала ручку потёртого саквояжа из свиной кожи — единственного спутника, верно служившего ей ещё с пансионских лет. Саквояж этот, выдавший виды, с потёртыми углами и медной пряжкой, позеленевшей от времени, казался сейчас единственно привычным, своим в этом мире незнакомых запахов, звуков и ощущений. Она купила его ещё в пансионе благородных девиц, куда отдавали её родители, и с тех пор он неизменно сопровождал её во всех нечастых путешествиях. Теперь же, глядя на его обшарпанные бока, Арина поймала себя на мысли, что и она сама, подобно этому саквояжу, порядком поистрепалась за последние годы.

Она смотрела, как носильщик — сгорбленный старик в рваном армяке, подпоясанном верёвкой, — с видимым усилием выгружает её сундук из багажного вагона. Движения его были медленны, почти сонны, словно он совершал их вопреки, экономя каждую крупницу уходящей жизни. И Арина поймала себя на мысли, что здесь, в этой глуши, всё движется иначе, не так, как в Петербурге. Там — лихорадочная спешка, грохот экипажей по торцовой мостовой, вечная погоня за чем-то неведомым, что всё равно ускользает. Там даже время течёт иначе — быстрее, суетливее, словно боится остановиться и задуматься. Здесь же — тягучесть, подобная той, с какой течёт по стволу сосны смола: медленно, величественно, с ощущением какой-то первозданной правильности и глубокой, сосредоточенной в себе силы.

Первым, что она ощутила, очнувшись от дорожного оцепенения, был воздух. Не тот спёртый, пропитанный конским потом, фабричным дымом и людским дыханием воздух Петербурга, к которому она привыкла и который уже перестала замечать, как перестают замечать лёгкое, но постоянное удущье. Здесь было нечто совершенно иное — прозрачное, хрустальное, чистое. Он нёс в себе отчётливую смолистую горечь, влажное дыхание близкой воды и ещё какой-то неуловимый оттенок, который Арина не могла определить, но который сразу же отозвался в ней щемящим, почти забытым чувством.

Она глубоко вдохнула, прикрыв глаза, и почувствовала, как начинает кружиться голова. Не от слабости — от полноты ощущений. Этот воздух проникал в лёгкие не как дыхание, а как память о том, чего с тобой никогда не случилось, но что ты каким-то чудом помнишь всем своим нутром. Словно в детстве, когда слушаешь сказку, и вдруг понимаешь, что где-то в самой глубине души ты уже знал этот лес, эту избушку, этого колдуна — знал всегда, просто забыл. И вот теперь, с этим первым вдохом, забытое начинает возвращаться.

— Барышня Арина? — раздался голос откуда-то сбоку, низкий, чуть насмешливый, но с такой особенной, валдайской певучестью, от которой слова становились тягучими и круглыми, как речные камешки, обточенные водой за многие столетия.

Арина вздрогнула и обернулась так резко, что саквояж качнулся в руке, чуть не выскользнув из ослабевших пальцев. В голосе этом не было ничего угрожающего, напротив — в нём звучала спокойная, уверенная сила человека, привыкшего иметь дело с живой природой и с людьми, которые от этой природы зависят. Но именно эта спокойная, несуетливая сила и заставила её вздрогнуть. После петербургской манерности, после вечно спешащих, вечно озабоченных собою людей, где каждый взгляд, каждое слово были пропитаны расчётом и фальшью, здесь всё было слишком настоящим. Слишком неприкрытым. Почти обнажённым в своей простоте.

У края перрона, там, где дощатый настил переходил в утоптанную, смешанную с гравием и засохшей грязью землю, стояла старая пролётка — такие Арина видела только на картинах передвижников, изображавших умирающую, патриархальную Русь, ту самую Русь, о которой в петербургских гостиных говорили с снисходительной усмешкой, но в которой, если верить книгам, таилась какая-то особенная, загадочная сила. Обшарпанная, с потрескавшейся, местами продранной до дыр кожей сидений, с колёсами, облепленными засохшей, спекшейся коркой грязи, она казалась живым существом, усталым и много повидавшим на своём веку. Рядом с пролёткой, держа в узловой, тёмной от въевшейся земли руке вожжи, стояла женщина.

Тётушка Марья оказалась совсем не такой, какой Арина представляла её по редким, скудным письмам. Та Марья, что жила в её воображении, была похожа на многочисленных деревенских старушек из книг и журнальных иллюстраций — сухонькая, сгорбленная, в тёмном платочке, с добрыми, выцветшими глазами. Реальность, как это часто бывает, оказалась разительно иной и куда более сложной.

Коренастая, ширококостная, с крупными, словно выгесанными из векового дуба руками, сложенными на высокой, ещё не обвисшей от старости груди, Марья Ильинична походила скорее на мужика, прикрытого бабьим платьем, чем на пожилую крестьянку, каких привыкла видеть Арина в столице. Тёмный, заношенный до металлического блеска платок был повязан низко, почти до самых бровей, из-под него выбивались жёсткие, седые, с рыжеватым отливом пряди, такие же непокорные и сильные, как и весь её облик. Ватник, наброшенный поверх тёплой стёганой кофты, топорщился на могучих плечах, и весь её вид говорил без слов, но с той неоспоримой убедительностью, какая свойственна лишь людям, выросшим на земле и с этой землёй неразрывно связанным: я здесь хозяйка, я здесь своя, я этот край знаю и люблю, и он меня знает и любит, а ты, городская, — поглядим, что ты за человек, какой в тебе корень.

Но глаза — глаза были удивительные. Большие, светлые, не выцветшие с годами, как это обычно бывает у старых людей, они смотрели на мир с живым, острым, почти неуёмным любопытством. В одно мгновение эти глаза обежали Арину с ног до головы, и девушка почувствовала себя прозрачной. Тётушка видела не только её лицо и одежду, но и всё, что было внутри: усталость, накопившуюся за три года бессонных ночей, глухой, застарелый страх перед будущим, слабую, едва теплящуюся надежду на то, что здесь, в этой глуши, всё наладится, и всю ту сложную, перепутанную, как спутанная пряжа, сеть чувств, что привела её сюда, в эту глушь, от которой многие петербургские знакомые пришли бы в ужас и отвращение.

— Тётушка Марья? — Арина шагнула вперёд, и каблуки её городских, на тонкой подошве ботинок громко, почти вызывающе стукнули по доскам перрона, выдавая в ней чужачку, человека, не привыкшего к тишине и не умеющего в ней раствориться.

— Она самая, — Марья Ильинична не двинулась с места, продолжая внимательно, изучающе разглядывать племянницу. Взгляд её задержался на бледном, с синеватыми, почти прозрачными прожилками у висков лице, на тёмных, провалившихся кругах под глазами, на слишком тонких, почти прозрачных запястьях, выглядывавших из рукавов дорогого, но совершенно непрактичного для здешней осени пальто. — Худющая-то какая, прости Господи, — произнесла она наконец, и в голосе её не было привычной городским ушам жалости, а так, словно

о погоде говорила или о видах на урожай. — В Питере вас, барышень, совсем не кормят, что ли? Или сама не ешь, всё о красоте своей думаешь, о талии?

Арина смущённо улыбнулась, чувствуя, как к щекам приливает неожиданный, почти забытый за годы столичной жизни румянец. В этой прямой, без обиняков, без принятых в обществе словесных кружев и экивоков речи было что-то до того непривычное, до того разительно отличающееся от петербургских салонов, где каждое слово взвешивали на невидимых весах, где улыбка ровно ничего не значила, а взгляд был важен лишь постольку, поскольку мог быть истолкован в вашу пользу или во вред, — что она на мгновение растерялась, потеряла ту привычную маску спокойной благовоспитанности, которую носила не снимая уже много лет.

— Кормят, тётушка, — ответила она тихо, опуская глаза, чтобы скрыть внезапно набравшую слезу. — Просто я такая. Сложения худого, от природы. Маменька тоже худенькая была, царствие ей небесное.

— Такая, — протянула Марья Ильинична, и в этом коротком «такая» слышалось не столько неодобрение, сколько жалость к тому миру, который мог вырастить девушку до того хрупкой, что, кажется, ветер переломит. — Ладно, — старуха наконец разлепила руки, делая шаг навстречу, и в этом шаге была решительность и деловитость человека, привыкшего не рассуждать, а делать. — Садись, барышня, довезу, пока совсем не стемнело. Лошадь у меня старая, быстро не побежит, но до темна доедем, если в дороге не застрянем, да и ты, видать, с дороги вымоталась, тебе отдохнуть надо.

Она легко, с неожиданной для её возраста и комплекции силой подхватила тяжёлый, окованный железом сундук, словно тот был пустой коробкой из-под шляпки, и ловко, одним движением, уложила его в пролётку. Арина хотела помочь, но тётушка только рукой махнула, отмахнулась, как от назойливой мухи: «Сиди уж, барышня, не до жиру, быть бы живу, и то ладно». Потом помогла Арине забраться на сиденье — руки у неё были железные, безжалостные в своей хватке, но при этом удивительно осторожные, словно она боялась сломать племянницу ненароком — и сама грузно уселась рядом, подобрав полы ватника и заскорузные, пропахшие лошадиным потом и сеном юбки.

Лошадь — гнедая, с седой, почти белой мордой и мутноватыми, словно подёрнутыми тонкой пеленой старости глазами — тронулась с места без всякого понукания, шагом ровным, неторопливым и удивительно уверенным, словно знала эту дорогу лучше любого кучера и не нуждалась ни в каких указаниях. Копыта её мягко ступали по утоптанной земле, и этот мерный, убаюкивающий звук действовал на Арину успокаивающе, словно колыбельная, которую она не слышала с самого детства.

Пролётка заскрипела, затарахтела по разбитой, ухабистой дороге, и Арина, не ожидавшая такой тряски после почти идеально ровного полотна железной дороги, вцепилась побелевшими пальцами в край сиденья, чтобы не вылететь на очередном особо зловредном ухабе. Дорога от станции сразу же нырнула в сосновый лес, и это было подобно уходу под воду: городской шум, последние отголоски поездной суеты, голоса провожающих и встречающих — всё это осталось позади, словно отрезанное невидимым, но оттого не менее острым ножом. А здесь была только тишина, только сосны и только этот удивительный, пьянящий, почти осязаемый воздух.

Она жадно смотрела по сторонам, впитывая новые, невиданные прежде впечатления, и чувствовала, как внутри неё, где-то глубоко, в той самой сердцевине, что оставалась недвижимой и оцепенелой все последние три года, медленно, неохотно начинает что-то таять, оттаивать, приходит в движение. Сосны стояли высокие, прямые, точно свечи в огромном, не имеющем ни стен, ни крыши храме, с рыжеватыми, покрытыми глубокими, извилистыми трещинами стволами. Вершины их терялись в сумеречном небе, уже налившимся густой, предзакатной синевой с редкими, перистыми облаками на самой вышине. Под ногами лошади, насколько хватал глаз, простирался мягкий, пружинящий ковёр из опавшей хвои — рыжий, почти медный в косых, уже не греющих лучах заходящего солнца. Воздух здесь пах столь остро

и чисто, что кружилась голова — пахло смолой, нагретой за день и теперь остывающей сосновой корой, прелыми прошлогодними листьями, грибной сыростью и ещё чем-то неуловимым, древним и сильным, что, может быть, и есть сама осень, сама земля, сама жизнь в её самом первозданном, не тронутым человеком виде.

— Валдай, — нарушила молчание тётушка, и голос её прозвучал в лесной тишине с особой, неожиданной отчётливостью, словно она представляла кого-то очень важного и значительного. — Край озёр. У нас их счёту нет, ни один человек не сочтёт, сколько их. Большие, малые, глубокие, как бездонные колодцы, и мелкие, тёплые, в которых и купаться можно с ранней весны до поздней осени. В каждом озере — своя вода, свой вкус, свой нор. В каждом — своё...

Она не договорила, оборвала фразу на полуслове, и Арина, по какому-то внутреннему, почти звериному наитию, не стала переспрашивать. В этом недосказанном «своё» таилось что-то важное, что-то такое, что нельзя было уместить в простые слова, но можно было почувствовать сердцем, если умеешь слушать не ушами, а чем-то иным, более глубоким.

Лес расступился внезапно, словно кто-то невидимый и могучий одним движением отдёрнул перед ними тяжёлый, многослойный занавес, скрывавший главную тайну этого края. Влажке блеснула вода — сначала узкой, робкой полоской, потом шире, шире, и вот уже перед ними, заняв собою едва ли не полмира, открылось озеро во всей своей неопикуемой красе.

Арина перестала дышать.

Озеро было столь огромно, что у неё перехватило дыхание и на мгновение замерло сердце. Вода уходила к самому горизонту, теряясь там, в сизой, влажной вечерней дымке, и там, на горизонте, сливалась с небом в такой неразрывной, интимной близости, что нельзя было понять, где кончается одно и начинается другое. Вода эта казалась не водой в обычном понимании, а расплавленным, тяжёлым, как ртуть, металлом — тёмно-свинцовым в глубине, с золотыми, алыми и багровыми прожилками заката, которые, казалось, текут по её поверхности медленно и величественно, как кровь по телу умирающего, но не сдающегося великана.

— Валдайское озеро, — произнесла тётушка, и в голосе её появились новые, не слышанные прежде нотки — не то гордость за эту нечеловеческую красоту, не то предостережение, обращённое к той, кто этой красоты ещё не знает и не понимает всей её глубины и, может быть, опасности. — Кормилец наше. И поилец. И... — она снова замолкла, поправила сползший на лоб платок, словно это привычное движение помогало ей собраться с мыслями и не сказать лишнего. — И свидетель, — закончила она едва слышно, почти шёпотом, обращённым не столько к Арине, сколько к себе самой.

— Свидетель? — переспросила Арина, но тётушка только махнула рукой, уходя от объяснений, словно касалась темы, о которой не принято говорить с чужими.

— Красота у нас, верно? — спросила она вместо ответа, и в голосе её слышалась не столько гордость, сколько тихая, умудрённая годами радость человека, который прожил здесь всю свою долгую жизнь и каждое утро, просыпаясь, встречает эту красоту как в первый раз, не переставая удивляться её совершенству.

— Красота, — искренне, от всего сердца согласилась Арина, и это было не просто вежливое слово, а чистая, абсолютная правда. Такой красоты она не видела никогда, даже в самых смелых мечтах и даже на самых лучших полотнах прославленных мастеров.

По берегам, в уже сгущающихся сумерках, там и сям темнели деревни, виднелись церковные маковки — золотые, луковичные, они горели в последних, прощальных лучах солнца, как огромные, в полнеба, свечи, возжённые неведомой, но щедрой рукой. А где-то далеко, на противоположном берегу, угадывались смутные очертания города — Валдай, о котором она столько слышала от тётушки в редких письмах и о котором читала в путеводителях, но никогда, ни разу не видела своими глазами.

— А вон там, — тётушка махнула рукой в сторону, и Арина, прищурившись, проследила за её жестом. — Иверский монастырь. На острове стоит, на Рябиновом, который у нас Святым зовут. Видишь?

Арина взгляделась в синеющую даль, напрягая зрение. На воде, отделённый от большого берега узкой, едва различимой полоской пролива, темнел вытянутый остров, и на нём, как в старинной легенде или в сказке, которую рассказывают на ночь, — монастырь. Белые, ещё различимые в предвечерних сумерках стены, золотые, уже успевшие потускнеть купола, высокая, стройная колокольня, устремлённая в самое небо. Всё это казалось отсюда игрушечным, ненастоящим, словно искусная работа какого-то неведомого, но гениального мастера, создавшего дивное украшение для этого дикого, первозданного, но оттого не менее прекрасного края.

— Красиво, — прошептала она одними губами, боясь нарушить очарование этого видения.

— Красиво, — согласилась тётушка, но как-то странно, будто говорила не о внешней, видимой красоте, а о чём-то другом, более глубоком и, может быть, более опасном, скрытом от глаз постороннего. — Только далеко. Нам не туда, девонька. Мы в другую сторону едем, в деревню. Там наш дом.

Пролётка свернула на другую, ещё более узкую и разбитую дорогу, уходящую в глубь леса, и озеро с монастырём на острове остались позади, скрывшись за стеной вековых сосен, словно их и не было вовсе, словно они были лишь миражом, игрой утомлённого долгой дорогой воображения.

Деревня оказалась небольшой, в два десятка дворов, притулившейся на самом берегу озера, вёрстах в пяти от уездного города, отрезанная от него лесом и болотами. Тётушка не обманула — до темна они действительно добрались, хотя солнце уже почти село, и последний, прощальный свет разливался по небу широкими, густыми, как масло, полосами — багровыми, синими, лиловыми, переходящими в глубокую, бархатистую черноту на востоке.

Дом, где жила Марья Ильинична, стоял на отшибе, у самого спуска к воде, отделённый от остальных изб небольшим, заросшим буйным бурьяном пустырём. И Арина, взглянув на него, влюбилась с первого взгляда — той странной, мгновенной, ни на чём, казалось бы, не основанной любовью, какой иногда люди любят места, чувствуя, с первого взгляда, что они предназначены им самой судьбой, что именно здесь, в этом месте, им суждено обрести покой или, наоборот, потерять его навсегда.

Старый, почерневший от времени и непогоды, с резными наличниками на окнах, которые когда-то были белыми, а теперь облупились и потемнели до неопределённого серо-коричневого цвета, с покосившимся, осевшим на один угол крыльцом и заросшим, давно не знавшим человеческой руки палисадником, он казался не просто строением из брёвен и досок, а живым существом — огромным, добрым, усталым от долгой жизни зверем, что присел отдохнуть на берегу после долгого и трудного пути.

— Сколько же ему лет? — спросила Арина, с трудом вылезая из пролётки и разминая затекшие, онемевшие от долгого сидения ноги.

— А никто не знает, — ответила тётушка, с кряхтением отвязывая верёвки, удерживающие сундук. — Мой дед, царствие ему небесное, говаривал, что ещё его дед здесь родился и помер. А дом уже стоял. Так и стоит, поди. Не нами поставлен, не нами и сломан будет.

Она отперла тяжёлую, окованную почерневшим, изъеденным ржавчиной железом дверь — ключ был огромный, чугунный, с замысловатой, причудливой бородкой, каких Арина отродясь не видывала даже в самых подробных описаниях старины, — и они вошли внутрь, в тёмные, пахнущие многолетней, устоявшейся оседлостью сени.

В сенях пахло травами — сушёной мятой, зверобоем, чабрецом, душицей, развешанными пушистыми пучками под самым потолком, и этот запах, чистый, горьковатый и удивительно живой, смешивался с запахом старого, выдержанного за многие десятилетия дерева,

остывшей печной золе и ещё чем-то неуловимым, что Арина потом, спустя время, научилась узнавать как запах дома — запах жизни, длившейся здесь беспрерывно, из поколения в поколение, из года в год, изо дня в день.

Тётушка прошла в горницу, чиркнула спичкой о шершавую, неровную стену, зажгла керосиновую лампу, и жёлтый, дрожащий, неровный свет разлился по комнате, выхватывая из густой, напитанной тенями темноты один предмет за другим.

Комната была небольшая, с низким, почти давящим на плечи потолком, но уютная — настолько, насколько вообще может быть уютной крестьянская изба, строенная для долгой и трудной жизни, а не для красоты и не для приёма гостей. В углу, накрытый домотканой, с вышитыми петухами дорожкой, стоял огромный, окованный потускневшей медью сундук — приданое, наверное, ещё самой тётушки, доставшееся ей от матери. У стены — широкая, застеленная лоскутным, из разноцветных ситцевых треугольников и квадратов одеялом лавка. В красном углу, под расшитым затейливым узором рушником, — иконы, тёмные, старые, писанные, видимо, ещё до раскольничьих времён, с едва различимыми в колеблющемся свете лампы ликами святых, глядящих на мир с той особенной, отрешённой от всего земного мудростью, какая бывает только у тех, кто много веков подряд смотрит на человеческие страдания и не может, не имеет права помочь.

Пахло здесь так же, как в сенях, но сильнее, гуще, насыщеннее, словно все запахи за многие годы впитались в стены, в половицы, в потолочные балки и теперь, с наступлением темноты и тепла от печи, отдавали себя обратно. И Арина вдруг, с пугающей, почти болезненной отчётливостью, поняла, что этот запах будет теперь сниться ей по ночам, станет неотъемлемой частью её новой жизни, как стали ею за эти несколько часов лес, озеро и воздух.

— Здесь спать будешь, — сказала тётушка, кивая на лавку с лоскутным одеялом. — Располагайся, девонька, а я самовар поставлю. С дороги чай горячий — первое дело, силы вернёт, усталость как рукой снимет.

Она ушла, и Арина, оставшись одна, медленно опустилась на лавку. Деревянные пружины, хитроумно уложенные под тюфяком, жалобно, по-старушечьи скрипнули под ней. Она сидела не шевелясь, глядя на иконы, на их тёмные, строгие, исполненные вековой печали лики, на тихое, ровное, как дыхание спящего ребёнка, мерцание лампы перед ними, и вдруг почувствовала, как огромная, нечеловеческая усталость наваливается на плечи — тяжёлая, почти физическая, словно она не в поезде ехала, а мешки с песком разгружала или брёвна таскала.

Дорога была долгой. С пересадками, с духотой и холодом попеременно, с чужими, случайными попутчиками... Она почти не спала, почти не ела, только смотрела в запотевшее окно на бесконечные поля и думала, думала, думала без остановки.

О чём? О Петербурге, который остался позади. О сестре Алёне, которая провожала её на вокзале с каменным лицом, не проронив ни слезинки. Об отце и матери, которых не стало три года назад. О той огромной, ничем не заполняемой пустоте, которая поселилась внутри после их смерти.

Здесь, в этой незнакомой, чужой комнате, с запахом сушёных трав и тоскливым криком чаек за окном, она вдруг, с пронзительной ясностью, поняла: она дома. Не в Петербурге, где всё чужое и фальшивое. А здесь. В доме, который видела впервые. У тётушки, которую знала только по редким письмам.

Она заплакала. Тихо, беззвучно, чтобы не услышала тётушка. Слезы текли по щекам сами собой, и Арина не вытирала их, позволяя себе эту редкую слабость — впервые за долгое, бесконечно долгое время.

— Ну что, девонька, устала? — Тётушка вошла в горницу неслышно, поставила на стол пузатый, дымящийся жаром самовар. — Ничего, привыкнешь. Валдай — место такое. Кого примет — тому домом навеки станет. А кого не примет...

Она не договорила, и Арина не стала спрашивать. Только вытерла слёзы краем платка и улыбнулась сквозь всё ещё влажные ресницы:

— Спасибо, тётушка. Я... я очень рада, что приехала.

— Рада, — повторила Марья Ильинична, пристально вглядываясь в её лицо. — Ладно, давай чай пить, пока не остыл. Пирожки у меня с капустой, с яйцом, с грибами, с рыбой. Ешь, сил набирайся, а то на тебе и так лица нет, одни глаза остались.

Они пили чай долго, почти до полуночи. Тётушка расспрашивала о сестре, о петербургской жизни, о том, почему Арина вдруг решила уехать в такую глушь. Арина отвечала коротко, односложно.

— Не моё там, — сказала она наконец. — Балы, наряды, пустые разговоры, все друг друга терпят, а не любят. Все такие... ненастоящие. А здесь... здесь всё по-другому. Настоящее.

— По-другому, — согласилась тётушка. — Только разное это «по-другому», девонька. Кому-то в радость, кому-то в испытание, а кому-то и в погибель.

— А вам? — спросила Арина, поднимая глаза. — Вам в радость или в испытание?

Тётушка помолчала, глядя на мерцающие лики икон.

— Мне, девонька, — ответила она наконец, — уже всё равно, почитай. Я здесь родилась, здесь и помру. А ты... ты молодая. Тебе выбирать.

Она замолчала, и Арина почувствовала в этом молчании что-то тревожное, недосказанное.

— Ладно, — тётушка решительно поднялась. — Спать пора. Завтра день долгий, дел много.

Арина легла на лавку, укрылась лоскутным одеялом. Спать не хотелось, хотя глаза слипались. Она лежала неподвижно, слушая звуки старого дома: где-то за печкой скреблась мышь, поскрипывали половицы, в печи потрескивали угли, ветер шуршал за окном сухой травой, и чайки кричали над озером — их крики были странно похожи на далёкий, надрывный детский плач.

И вдруг, среди этих привычных звуков, она услышала что-то ещё.

Звук был тихим, очень далёким, почти на самой грани слышимости. Он не был похож ни на что, что она знала прежде, — ни на торжественный церковный благовест, ни на весёлый колокольчик почтовой тройки. Это был именно колокол — но какой-то странный, пустой, словно звук этот шёл не снаружи, а изнутри, из самой глубины её существа.

Арина села на кровати, затаив дыхание, прислушиваясь до звона в ушах. Сердце колотилось часто-часто, хотя она не понимала, почему этот далёкий звук так пугает её. Звон повторился — теперь отчётливее, длиннее, настойчивее, и в нём было что-то... зовущее.

Она сжала в кулаках край одеяла, зажмурилась изо всех сил. «Показалось, — сказала она себе твёрдо. — Просто показалось. От усталости, от долгой дороги, от непривычных впечатлений. Надо спать».

Но когда она открыла глаза, в комнате было по-прежнему темно и тихо, только ветер шуршал за окном да чайки кричали своим тоскливым криком.

Арина легла обратно, натянула одеяло до самого подбородка и долго лежала с открытыми глазами, глядя в непроглядную темноту потолка.

Звон не повторялся.

Но она знала, чувствовала это каждой клеткой своего существа: он вернётся.

Глава 2. Соседи

Утро встретило Арину ярким, слепящим солнцем, залившим комнату таким потоком золотого света, что даже сквозь закрытые веки он проникал, окрашивая темноту в тёплый, рыжеватый, почти медовый цвет. Солнце это, ещё не успевшее подняться высоко, било прямо в окно, не занавешенное никакими шторами, и казалось, что сама комната наполнилась жидким, переливающимся светом. А потом в её сон ворвался оглушительный, победный крик петухов — таких громких, что, казалось, они кричат прямо над ухом, ворвавшись в дом сквозь стены.

Она открыла глаза и несколько мгновений, часто моргая спросонья, не могла понять, где находится: низкий потолок, густой запах сушёных трав, лоскутное одеяло, иконы в красном углу, где теплится лампада. Потом всё встало на свои места: вчерашний день — долгая дорога, тётушка, бесконечный чай с пирогами... И тот странный, тревожный звон, который то ли приснился ей, то ли действительно почудился.

Арина села, осторожно потянулась, разминая затёкшее после непривычно жёсткой лавки тело. Вчерашняя усталость почти прошла, растворилась в глубоком, спокойном сне.

Она накинула на плечи пуховый платок, сунула босые ноги в тёплые, подшитые войлоком валенки — тётушка ещё вчера вечером заботливо поставила их у лавки, — и вышла на крыльцо, толкнув тяжёлую, скрипучую дверь.

И зажмурилась, ослепнув на мгновение, оглушённая этим светом.

Озеро сияло так нестерпимо ярко, что больно было смотреть. Солнце только что поднялось из-за дальнего, поросшего тёмным лесом берега, но свет его был уже по-осеннему ярок, и вода горела, переливалась, искрилась миллионами слепящих бликов, словно поверхность её была усыпана не водой, а живым, дрожащим серебром. Она была совершенно спокойна, гладка, как отполированное веками зеркало, и в этой гигантской глади отражались облака — высокие, перистые, похожие на диковинных птиц, — и дальний, покрытый тёмной стеной леса берег, и церковные маковки далёкого города, и небо — такое синее, глубокое, что дух захватывало.

Арина стояла на крыльце, вдохнув полной грудью этот удивительный воздух — холодный, кристально чистый, с отчётливым запахом воды, прелых листьев и той особенной утренней свежести, какая бывает только на лесных озёрах в ясную погоду ранней осенью, — и чувствовала, как внутри неё, в самой глубине, что-то медленно тает, отпускает, разжимает те ледяные пальцы, что сжимали её сердце последние три года.

— Красота-то какая, — прошептала она одними губами, боясь нарушить это великолепие.

— Красота, — раздался голос откуда-то сбоку, низкий, чуть хриловатый, с лёгкой, едва уловимой насмешкой, которая, впрочем, не обижала, а скорее располагала к себе.

Арина вздрогнула и резко обернулась.

У калитки, отделявшей тётушкин двор от пыльной деревенской улицы, стоял мужчина.

Она не слышала, как он подошёл, — шаги его были почти бесшумны на утопанной, чуть подмороженной за ночь земле. Высокий, широкоплечий, с русыми, чуть выющимися волосами, выбивавшимися из-под лихого, набекрень сдвинутого картуза. Серые, пронзительные, с хитринкой глаза, которые смотрели на неё внимательно, изучающе и чуть насмешливо, без той обычной неловкости, какую обычно испытывают люди при встрече с незнакомцем.

Одет он был по-деревенски просто, даже бедно: косоворотка навыпуск, подпоясанная узким ремешком, тёмные порты, заправленные в высокие сапоги, старенький, но добротный полушубок нараспашку. Но держался он не как простой крестьянин. Было в его осанке, в спокойном, уверенном взгляде что-то иное, что-то, что сразу выделяло его из общей серой массы. Какая-то внутренняя, врождённая стать, та спокойная, не показная уверенность, которая не покупается, а даётся человеку от рождения, от предков, от земли, на которой он вырос.

— Дмитрий Сергеевич, — представился он, чуть приподнимая картуз и обнажая высокий, чистый лоб, тронутый у переносицы лёгким загаром. В голосе его звучала та самая лёгкая, утренняя хрипотца, словно он только что проснулся или, наоборот, много говорил вчера вечером. — Сосед ваш, стало быть. Тётушка Марья Ильинична просила зайти, узнать, не нужно ли чего новой жиличке с дороги. Помочь там по хозяйству или просто подсобить, если что. Дровишек наколоть, воды принести, за скотиной присмотреть.

Арина почувствовала, как к щекам приливает неожиданный румянец — от неожиданности его появления, оттого, что он застал её врасплох, в одном платке, накинутом на небрежные после сна волосы, с сонным лицом.

— Арина Григорьевна, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Очень приятно познакомиться, Дмитрий Сергеевич. Благодарю за заботу. Пока ничего не нужно, но если что — я непременно воспользуюсь вашим любезным предложением.

— Взаимно, — он кивнул, и в этом коротком кивке не было подобострастия. Он смотрел на неё как на равную, с лёгким превосходством человека, твёрдо стоящего на своей земле. Окинул её быстрым, цепким, но не навязчивым взглядом — оценивающим, словно запоминал каждую чёрточку её лица, каждый жест. — С приездом, Арина Григорьевна. Давно у нас не бывало гостей из столицы. А уж тем более таких молодых и, осмелюсь заметить, одиноких.

— Я не гостья, — сказала Арина, и в голосе её неожиданно прозвучало что-то, чего она не ожидала, — почти вызов. — Я, кажется, надолго. Может быть, насовсем. Здесь жить, а не гостить.

Дмитрий кивнул, и в этом кивке почудилось не удивление, а скорее спокойное понимание, словно он ожидал именно такого ответа.

— Это хорошо, — сказал он просто. — Валдай — место спокойное, тихое, благодатное. Для жизни самое милое дело, для души. Если, конечно...

Он замолчал, не договорив, и в этом недосказанном «если» снова почудилось что-то важное, скрытое от посторонних глаз.

— Если что? — не удержалась Арина.

— Если спокойствие любите, — ответил он, и в серых глазах его мелькнуло что-то — не то насмешка, не то предостережение. — А если нет — здесь можно и с ума сойти от тоски, от тишины этой, от безделья. Делать-то здесь, по правде говоря, нечего, кроме работы. Работать много надо, чтобы выжить.

Он помолчал, разглядывая её, потом добавил уже деловито:

— Если помощь какая по хозяйству нужна будет — вы не стесняйтесь, Арина Григорьевна, обращайтесь прямо. Я тут недалеко живу, в усадьбе, за околицей, сразу за тем леском. И лошадь есть, если в город съездить понадобится, или за дровами, или ещё куда.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич. Я запомню.

Он кивнул ещё раз, на прощание, надел картуз поглубже и пошёл прочь от калитки своей лёгкой, размашистой походкой человека, привыкшего много ходить по лесам и полям. Арина смотрела ему вслед, и что-то в этом взгляде, в том, что все еще стоит и смотрит на пустую дорогу. И от этого стало досадно — зачем смотрела, зачем запоминала?

Станный он был. Совсем не такой, как она представляла себе деревенских жителей. Простой, бесхитростный на первый взгляд, но совсем не примитивный. В глазах его чувствовался острый ум, а в манерах, при всей их кажущейся простоте, — какая-то врождённая учтивость. И этот его взгляд... Словно он видел больше, чем говорил, словно за словами всегда оставалось что-то недосказанное, важное.

— Дмитрий-то заходил? — Тётушка Марья появилась на крыльце неслышно, вытирая о фартук мокрые после умывания руки. Лицо у неё было озабоченное, но глаза смотрели на племянницу с жадным интересом.

— Заходил, — Арина обернулась к ней. — Сказал, что вы просили его зайти.

— Просила, — подтвердила тётушка, тяжело опускаясь на лавку рядом. — Дмитрий — человек хороший, надёжный, проверенный. Один живёт третий год, как матушка его померла, Марфа Сергеевна, царствие ей небесное. А отец его, Сергей, ещё раньше ушёл, на лесоповале задавило. Вот он один и мыкается. Хозяйство ведёт, не бедствует, не пьёт, не курит, с соседями в ладу. Девки местные на него заглядываются, сохнут, а он всё один, всё один. Что-то не торопится, разборчив больно.

— Почему? — спросила Арина, садясь рядом и тоже устремляя взгляд на озеро, по которому от лёгкого утреннего ветерка уже пошла мелкая, серебристая рябь.

— А кто ж его знает, — тётушка пожалала плечами. — Может, не встретил свою ещё. А может... другие причины, про которые не говорят.

— Какие? — Арина чувствовала, что любопытство уже не унять.

Тётушка помолчала, глядя на озеро, на дальний берег, на ясное небо.

— Разное говорят в деревне, — ответила она наконец осторожно. — Кто говорит, что он гордый, спесивый, не хочет с простой девкой жизнь связывать, ищет себе ровню. Кто говорит, что у него в Петербурге невеста была, из благородных, да померла от чахотки года три назад, и он до сих пор убивается. А кто... — она покосилась на Арину, и взгляд её стал серьёзным, почти суровым, — кто говорит, что он с лесом знается, с нечистой силой.

— С лесом? — не поняла Арина, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — С какой ещё нечистой силой?

— Ну, знахарь он, — пояснила тётушка негромко, почти шёпотом. — Травы собирает, настои варит, людей лечит, скотину заговаривает, от сглазу и порчи помогает. К нему из других деревень приезжают, и из города даже, бывает, господа приезжают, кто победнее да поумнее, а не к докторам нашим. И звери к нему идут. Без страха. Я сама видела, своими глазами — лиса приходила к его дому, сидела на крыльце, как собака, хвостом метёт, на солнышке греется. А он вышел, погладил её, что-то шепнул на ухо, и ушла она, довольная. С тех пор и верю, что не простой он человек.

Арина слушала, затаив дыхание, и чувствовала, как внутри неё растёт глущее, почти детское любопытство. Знахарь, к которому приходят дикие звери без страха, как к своему... Это было похоже на сказку, на те дивные истории, что рассказывала ей в детстве няня.

— А вы верите? — спросила она прямо. — Верите, что он знахарь, что у него дар?

— Я, милая, — тётушка посмотрела на неё долгим, серьёзным взглядом, — я во что хочешь поверю. Потому что своими глазами на этом свете такого навидалась за долгую жизнь, что иным учёным мужам и не снилось.

Она тяжело поднялась с лавки, отряхнула длинную юбку.

— Ладно, идём завтракать, девонька, а то всё остынет. А после завтрака покажу тебе хозяйство, познакомлю с соседями, с кем надо будет знать, а с кем и не надо. Тётка Фёкла обещала зайти сегодня, рыбы свежей принести, ухи наварить знатной.

Завтрак был простым, деревенским, но удивительно сытным и вкусным: рассыпчатая гречневая каша с большим куском топлёного масла, солёные грузди, пахнущие укропом и чесноком, тёплый ржаной хлеб с хрустящей корочкой и душистый чай на травах с гречишным мёдом. Арина ела и слушала вполуха, как тётушка рассказывает о деревенских новостях, о соседях, о том, кто женился, кто родился, кто помер, у кого корова отелилась двойнёй, у кого крыша прохудилась.

Слушать было удивительно интересно — эта простая, нехитрая жизнь, текущая здесь по веками устоявшимся законам, казалась ей сейчас, после петербургской суеты, такой настоящей, такой правильной.

После завтрака тётушка повела её показывать хозяйство. Дом оказался небольшим, но крепким, ладно скроенным: с просторными сенями, где под потолком висели пушистые связки сушёных трав и золотистые луковички лука, с тёмной кладовкой, заставленной банками соле-

ний и варений, с горницей и с кухней, где стояла огромная русская печь — сердце и душа всего дома.

За домом простирался огород — уже пустой, убранный после осени, только кое-где торчали из почерневшей земли пожухлые стебли капусты. Дальше виднелся дощатый сарай, откуда доносилось сонное кудахтанье кур и сытое фыркание старой лошади — той самой, гнедой, с седой мордой, что везла их вчера со станции.

— Помогать будешь? — спросила тётушка, когда они обошли всё хозяйство.

— Конечно, — ответила Арина. — Я затем и приехала, тётушка. Не барыней себя чувствовать, не гостьей, а жить. По-настоящему.

Тётушка одобрительно хмыкнула, похлопала её по плечу тяжёлой ладонью.

— Молодец, девонька. Из тебя толк выйдет.

К обеду, как и обещала, пришла тётка Фёкла — дородная, ещё крепкая женщина лет пятидесяти, с громким, почти мужским голосом и быстрыми, удивительно ловкими руками. Она принесла свежей рыбы — крупных, ещё трепыхавшихся окуней с серебристой чешуёй, — и сразу же, не дожидаясь приглашения, взялась помогать с готовкой.

— Барышня-то наша, — говорила она без умолку, потроша рыбу, — из самого Питера, из столицы! Небось, скучно тебе у нас, тихо? Не то что в столице-то, с балами да с театрами?

— Нет, — улыбнулась Арина, заморозенно глядя, как ловко мелькают руки Фёклы. — Мне как раз тишины и не хватало. Устала я от шума, от суеты, от людей.

— Тишина тишиной, — Фёкла вдруг понизила голос до таинственного шёпота, — а место у нас не простое, барышня. Тут, говорят, всякое водится. И не только рыба в озере.

— Фёкла! — строго прикрикнула на неё тётушка. — Не пугай девку с порога своими байками старыми.

— А чего пугать? — Фёкла ничуть не смутилась. — Правду говорить надо, Марья Ильинична. Чтоб знала, чтоб была готова, чтоб не совалась куда не надо.

— Что за правда? — спросила Арина, чувствуя, как внутри шевельнулось знакомое уже по вчерашней ночи беспокойство.

Фёкла многозначительно переглянулась с тётушкой, потом махнула рукой.

— Да есть тут одна история, барышня, — сказала она, продолжая ловко разделывать рыбу. — Про колокол.

— Про какой колокол? — Арина замерла.

— В лесу, за озером, колокольня старая стоит, — начала Фёкла, и голос её стал ещё таинственнее. — Развалина почти, одна башня и осталась, а кругом лес дремучий, непроходимый, бурелом, болота. И на той колокольне колокол висит. С древних, говорят, времён, ещё до монастыря. И не простой он.

— А какой? — прошептала Арина.

— Говорят, — Фёкла наклонилась к Арине, и та почувствовала крепкий запах лука и рыбы, — дух в нём живёт, в колоколе том. Княжич один, что много лет назад в этих местах погиб. Звениславом, сказывают старики, звали. Красивый был, молодой, статный, из княжеского рода. И любил он девушку одну, простую, крестьянскую, да не сложилось у них. А потом война пришла, литва или разбойники — теперь уж не разберёшь, — убили его прямо у той колокольни, на верёвке повесили, на колоколе. Долго мучился, бедный, умирая. И душа его там осталась, не ушла, прикипела к месту тому проклятому.

Арина слушала, затаив дыхание, и по спине её пробегал ледяной холодок. Вчерашний ночной звон вспомнился вдруг так ясно, что стало страшно.

— И что? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— А то, — Фёкла посмотрела на неё серьёзно, без тени прежней игривости. — Иногда он звонит, тот колокол. Не просто так, не от ветра, а когда кто-то молодой да красивый в лесу появляется. И тот, кто услышит тот звон, уже не сможет забыть его, будет слышать всегда.

Будет ходить к колокольне, днём и ночью, в любую погоду, будет слушать и ждать — сам не зная чего. А потом... пропадёт.

— Пропадёт? — эхом отозвалась Арина.

— Ну, не в прямом смысле, не сквозь землю провалится. А умрёт. Или, что ещё страшней, с ума сойдёт, рассудком повредится. Говорят, те, кто слышал тот звон, уже не живут долго на этом свете. Что-то с ними происходит, ломается внутри, рвётся какая-то ниточка. Тянет их туда, к колокольне, манит, и не отпускает, пока не высосет всю жизнь до капли.

— Фёкла, будет тебе! — снова вмешалась тётюшка. — Нашла чем девку пугать на ночь глядя. Сказки это старые, бабьи рассказы. Не слушай её, Арина, выдумывает она всё.

— Сказки не сказки, а девки пропадали, и не одна, — упрямо сказала Фёкла. — Я сама помню, лет двадцать назад, может, чуть больше. Машенька, дочка кузнеца Егора, что на том берегу жил. Красивая была девка, здоровая, румяная, кровь с молоком. А как к той колокольне зачастила, слушать звон да на звон тот ходить — за месяц сгорела, почитай. Исхудала, почернела вся, перестала есть и пить, только воду пила. Так и умерла, на руках у матери.

— От чего умерла? — спросила Арина.

— А никто не понял, — Фёкла развела руками. — Доктор приезжал из города, смотрел её, слушал трубкой. Сказал — сердце, слабость сердечная, упадок сил. А какое там сердце у здоровой, крепкой девки? Не иначе, колокол тот проклятый виноват, дух тот неуспокоенный.

Она замолчала, и в этом молчании почудилось что-то зловещее. Арина смотрела на рыбу, которую Фёкла уже разделала, на её розовое, нежное мясо, и чувствовала, как внутри поднимается странное чувство — не страх, а что-то другое, похожее на предчувствие.

— А вы сами видели этот колокол? — спросила она.

— Видела, — кивнула Фёкла. — Давно, когда молодая была. Далеко он, в лесу, в самой чаще. Место там глухое, гиблое, народ стороной обходит, даже охотники не ходят. И ты не ходи, барышня, не вздумай даже, добра не будет.

— Не пойду, — пообещала Арина, хотя в глубине души уже знала, что этот разговор не пройдёт бесследно. Что тот странный ночной звон и колокол связаны. И что ей, может быть, придётся узнать об этом больше, гораздо больше, чем хотелось бы.

После обеда, когда Фёкла ушла, Арина вышла на крыльцо. Солнце клонилось к закату, опускаясь за дальний лес, и озеро стало тёмным, почти чёрным, с длинными, багровыми прожилками заката, отражавшимися в его спокойной глубине. Ветер совсем стих, и вода лежала неподвижно, гладкая, как зеркало.

Где-то далеко, над тёмной стеной леса, поднималась странная тень — то ли облако необычной формы, то ли дым от невидимого костра. Арина всмотрелась пристальнее и вдруг поняла: это колокольня. Та самая, о которой только что говорила Фёкла.

Она стояла на высоком холме, тёмная, молчаливая, отчётливо видимая на фоне светлого неба, и, казалось, смотрела прямо на Арину сквозь разделяющее их пространство. Смотрела и ждала.

Арина поёжилась, хотя на улице было не холодно, и поспешно вошла в дом, плотно закрыв за собой тяжёлую, скрипучую дверь.

Ночью она снова слышала звон. Тихий, едва различимый, далёкий — на самой грани сна и яви. Он звал её. И она знала: рано или поздно придётся ответить.

Глава 3. Первая прогулка

Следующие несколько дней пролетели для Арины словно в тумане. Она вставала затемно, когда тётушка Марья уже хлопотала у печи. Вместе с ней кормила кур, чистила снег, который к концу октября выпадал почти каждый день, хотя к полудню неизменно таял, обнажая почерневшую, мокрую землю. Ходила на озеро за водой с тяжёлыми ведрами на коромысле — и это давалось ей с трудом, но странное удовлетворение от простого, понятного труда переполняло её.

Тётушка оказалась кладезем не только житейской мудрости, но и древних, почти забытых знаний. Она знала, когда сажать и когда убирать, какие травы от чего помогают, как угадать погоду по поведению птиц и облаков, как лечить скотину и как заговаривать зубы. Арина слушала и запоминала, хотя многое казалось ей странным, почти сказочным.

— В городе вы всего этого не знаете, — говорила тётушка, мешая похлёбку в чугушке. — А здесь без этого никак. Природа — она обманет, не пожалеет. С ней надо жить в ладу, а не воевать.

— А вы с ней в ладу живёте? — спросила Арина, наблюдая, как Марья Ильинична раскладывает на полотенце собранные накануне сухие грибы.

Тётушка посмотрела на неё долгим, немигающим взглядом, в котором вдруг мелькнуло что-то древнее, почти пугающее.

— Стараюсь, — сказала она. — Но не всегда получается. Иногда она сама решает, как с тобой жить.

Арине стало не по себе от этих слов, но она не стала расспрашивать — чувствовала, что тётушка не скажет больше, если не захочет.

К концу недели установилась ясная, морозная погода. Снег перестал таять, укрыв землю тонким, но уже постоянным слоем, и воздух сделался таким прозрачным, что, казалось, можно было разглядеть каждый сучок на дальнем берегу озера. Арина, соскучившись по движению после нескольких дней домашних хлопот, решила прогуляться по окрестностям.

Тётушка отпустила, наказав только не ходить далеко и вернуться до темна.

— И к колокольне не вздумай, — добавила она строго, и глаза её потемнели, сделались почти чёрными. — Место нехорошее. Чужим там делать нечего.

— Хорошо, тётушка, — послушно кивнула Арина, хотя внутри неё тут же шевельнулось жгучее любопытство.

Она оделась тепло: натянула тёплые шерстяные чулки, валенки, свех пальто, привезённого из Петербурга, накинула тётушкин тулуп — великоватый, но удивительно уютный, пахнувший овчиной и сеном, — повязалась пуховым платком так, что наружу остались только глаза, и вышла из дома.

Сначала она направилась вдоль берега, любясь игрой света на снегу и воде. Озеро лежало свинцовое, неподвижное, гладкое, как полированный металл. В этой неподвижности чувствовалось что-то тревожное, словно вода ждала, затаилась, прислушивалась к чему-то неведомому человеческому уху. Чайки, обычно крикливые и суетливые, сегодня молчали, лишь изредка одна-другая бесшумно скользила над самой гладью, отражаясь в ней, как в зеркале.

Арина шла по тропинке, которая вела через лес — светлый сосновый, с рыжим ковром из опавшей хвои, припорошенным первым снегом. Воздух здесь был таким чистым и холодным, что, казалось, звенел при каждом вдохе. Пахло смолой, прелыми листьями и ещё чем-то неуловимым, древним и сильным, что, может быть, и есть сама северная природа в её предзимнем оцепенении.

Она дышала полной грудью, наслаждаясь тишиной и покоем, но чем дальше она углублялась в лес, тем эта тишина становилась плотнее, гуще, почти осязаемой. Исчезли птицы, исчез

даже лёгкий ветерок, что играл хвоей на опушке. Снег перестал поскрипывать под ногами, словно и он замер в ожидании. Арина остановилась, прислушиваясь. Ничего. Только звон в ушах от абсолютной тишины.

Она пошла дальше, но теперь каждый шаг давался с трудом, словно воздух сгустился, стал вязким, как вода. Тропинка виляла между соснами, и Арина уже не была уверена, что идёт правильно. Знакомые ориентиры — большой гранитный валун, поросший мхом, старый пенёк с причудливым наростом, поваленное дерево — встречались, но она не помнила, видела их по дороге сюда или они лишь померещились.

Лес вокруг изменился неуловимо. Сосны стали выше, толще, их стволы почернели, покрылись седыми космами лишайника и мхом, словно здесь не ступала нога человека много лет, а может, и столетий. Снег под ногами исчез — земля была чёрной, влажной, с редкими пятнами пожухлой, неестественно ярко-зелёной травы.

Арина остановилась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Она сбилась с пути. Тропинка, по которой она шла, исчезла, растворилась в лесу. Вокруг был только лес — высокий, молчаливый, с тёмными провалами между стволами, в которых чудилось что-то живое, движущееся, следящее.

И в этой звенящей тишине раздался звук.

Тихий, очень далёкий, почти на самой грани слышимости. Он не был похож ни на что, что она знала прежде, — ни на торжественный церковный благовест, доносившийся иногда из города, ни на весёлый колокольчик почтовой тройки, ни на звон посуды или металла. Это был именно колокол — но какой-то странный, пустой, словно звук этот шёл не снаружи, не с колокольни где-то за лесом, а изнутри, из самой глубины её существа.

Арина вздрогнула, и тотчас же её охватило странное, тягучее чувство, похожее на то, что она испытала в первую ночь. Сердце заколотилось часто, перехватывая дыхание, но ноги, вопреки воле, уже сделали шаг в направлении звука. Она повернула голову, пытаясь понять, откуда он идёт, но лес стоял неподвижно, и звон, казалось, шёл сразу отовсюду — из-под земли, с неба, из самой тишины.

«Нет, — сказала она себе твёрдо. — Я не пойду. Я обещала тётушке».

Но тело не слушалось. Ноги сами несли её вперёд, словно кто-то другой, более сильный и древний, управлял ею. Она шла на звук, продираясь сквозь кусты, перешагивая через поваленные стволы, не чувствуя, как ветки хлещут по лицу и цепляются за одежду. Она не чувствовала холода, не чувствовала страха — только странное, тягучее притяжение, от которого кружилась голова.

Звон становился громче, отчётливее, в нём появилась настойчивость, даже требовательность. Он звал. Манил. Обещал что-то, чему Арина не могла подобрать названия, но что всем своим существом жаждала получить.

Она вышла к оврагу внезапно. Земля ушла из-под ног, и она едва не полетела вниз, успев в последний миг ухватиться за корявый, скользкий от влаги ствол старой, полумёртвой берёзы. Овраг был глубоким, с крутыми, поросшими мхом и колючим кустарником склонами. На дне его, в глубокой тени, темнела вода — маленькое лесное озерцо, почти чёрное, без единой ряби, гладкое, как столешница. Вода эта казалась мёртвой — в ней не отражалось небо, не отражались нависшие над ней деревья, только тьма, густая и непроглядная.

А над оврагом, на противоположном его краю, прямо на фоне свинцового неба, стояла она.

Колокольня.

Арина замерла, вцепившись в спасительный ствол. Колокольня была гораздо ближе, чем ей казалось от дома. Старая, сложенная из тёмного, почти чёрного кирпича, который время и непогода не смогли разрушить, а лишь покрыли налётом благородной древности. Стены её были оплетены плющом, давно потерявшим листву и превратившимся в сеть сухих, цепких

плетей, похожих на змеиные клубки. Узкие, стрельчатые окна зияли пустыми глазницами — в них не было ни стёкол, ни рам, только пустота, за которой угадывалась тьма, ещё более густая, чем в овраге. А наверху, под самой крышей, которая местами провалилась, обнажая почерневшие стропила, висел колокол.

Огромный, тёмный, с зеленоватым налётом патины, он висел неподвижно, но Арина чувствовала каждой клеткой замёрзшего тела — он ждал. Ждал её. Знал, что она придёт. Звал её.

Звон повторился — теперь громче, отчётливее, почти оглушительно, и Арина поняла, что он идёт не снаружи. Он идёт изнутри. Из самой глубины её существа, из крови, из костей, из того первобытного уголка души, где живут самые древние страхи — и самые сильные желания.

Она сделала шаг к оврагу, намереваясь спуститься, перебраться на ту сторону, подойти к колокольне, коснуться её замшелых стен, дотронуться до колокола, услышать этот звон вблизи, позволить ему заполнить всё своё существо...

И вдруг увидела.

На том берегу, у самого края оврага, прямо перед колокольней, стояла девушка. Молодая, почти девочка, в странном, нездешнем, светлом платье, которое, казалось, светилось в сумраке леса собственным, внутренним светом. Волосы её были распущены и ниспадали на плечи длинными, прямыми прядями, тёмными, как вороново крыло. Она стояла неподвижно, глядя прямо на Арину, и на лице её застыла улыбка — странная, неживая, словно маска, за которой не было ничего.

Арина хотела закричать, позвать на помощь, но голос пропал. Хотела отвернуться, закрыть глаза, но не могла отвести взгляд. Девушка медленно, очень медленно, как во сне, подняла руку — бледную, почти прозрачную — и поманила её к себе. В этом жесте не было угрозы, но был приказ — тихий, невысказанный, но абсолютный.

— Нет, — прошептала Арина одними губами, чувствуя, как ледяной ужас сковывает внутренности. — Нет.

Она зажмурилась изо всех сил, до разноцветных кругов перед глазами, вцепилась в ствол берёзы так, что кора впилась в ладони, причиняя почти приятную боль — боль реальности, которая возвращала её к жизни. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание вырывалось со свистом, она считала про себя, как учила когда-то няня в детстве, когда ей снились кошмары: раз, два, три, четыре, пять...

А когда открыла глаза — никого не было.

Пустой берег, пустой овраг, пустая, молчаливая колокольня на холме. И тишина — такая густая, что звон в ушах казался продолжением только что умолкшего колокола.

Арина развернулась и побежала.

Она бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, падая в снег и мокрую землю, поднимаясь и снова бежала, пока не выскочила на знакомую тропинку вдоль озера. Только тогда она остановилась, согнувшись пополам, тяжело дыша, чувствуя, как колотится сердце и дрожат ноги. Оглянулась.

Лес стоял спокойный, обычный. Сосны, снег, тишина. Никакой колокольни видно не было.

— Померещилось, — прошептала она, выпрямляясь и пытаясь отдышаться. — Просто померещилось. От усталости, от впечатлений, от этого воздуха... От всего сразу.

Она зашагала к деревне, стараясь не думать о том, что видела, стараясь убедить себя в том, что это был лишь обман чувств, игра утомлённого воображения. Но всю дорогу до дома она чувствовала на спине чей-то взгляд. Тяжёлый, холодный, голодный. Он не отпускал её до самого крыльца, и даже когда она захлопнула за собой дверь и прижалась к ней спиной, этот взгляд, казалось, продолжал жечь её сквозь доски.

Глава 4. Дмитрий

Вечер опустился на Сосновку тихий, мгlistый. После дневного происшествия Арина никак не могла согреться, хотя в доме было натоплено, а тётушка Марья заботливо укутала её плечи пуховым платком. Дрожь не проходила — она поселилась где-то глубоко внутри, мелкой, противной дрожью, которая не имела отношения к холоду. Перед глазами всё ещё стояла та девушка в светлом платье, её призывный жест, чёрные провалы глаз и неживая улыбка.

Арина сидела за столом, обхватив ладонями горячую кружку с чаем, и смотрела, как танцует огонёк свечи в медном подсвечнике. Тётушка хлопотала у печи, изредка поглядывая на племянницу с тревогой, но не решалась расспрашивать — видела, что девка сама не своя, и чуяла, что словами тут не поможешь.

Стук в дверь раздался, когда за окнами уже стусилась непроглядная тьма. Тётушка пошла открывать, и Арина услышала низкий, чуть хриловатый голос, который сразу узнала. Сердце её почему-то ёкнуло, но не от страха — от смутного, необъяснимого облегчения.

Дмитрий вошёл в горницу, стряхивая с картуза налетевший снежок. В руках он держал объёмистый свёрток, завернутый в холстину, от которого исходил такой аппетитный дух копчёной рыбы, что даже у Арины, несмотря на её состояние, слегка засосало под ложечкой.

— Добрый вечер, Марья Ильинична, — поклонился он тётушке. — Добрый вечер, Арина Григорьевна. Вот, рыбы принёс. Вчера наловил, сегодня закоптил, как раз на углях, по-нашему. Думаю, вам пригодится.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, — тётушка приняла свёрток, довольно улыбнувшись. — Садись чай пить. С мороза-то погрейся. Арина, подвинься-ка, дай гостю место.

Дмитрий сел за стол напротив Арины, и она тотчас же почувствовала, как под его взглядом к щекам приливает неожиданный румянец. Он смотрел внимательно, изучающе, но без той назойливой пристальности, к которой она привыкла в Петербурге от молодых людей, считавших своим долгом оказывать знаки внимания каждой мало-мальски симпатичной барышне. Взгляд его был спокойным, уверенным, чуть насмешливым, но насмешка эта была не обидной, а какой-то тёплой, словно он смотрел на старого знакомого.

— Как вы тут осваиваетесь? — спросил он, принимая из рук тётушки большую глиняную кружку с дымящимся чаем. — Не скучно в нашей глуши?

— Нет, что вы, — ответила Арина, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — Очень хорошо. Тётушка меня делу учит. Я уже и кур кормила, и за водой с коромыслом ходила, и дрова в печь класть пробовала.

— С коромыслом? — Дмитрий приподнял бровь. — Небось, тяжело? Вода в нашем озере тяжёлая, говорят.

— Тяжело, — призналась Арина. — Но я справлюсь. Руки уже привыкают.

Он усмехнулся — не насмешливо, а одобрительно, словно похвалил ребёнка за упорство.

— Молодец. Не каждая барышня из столицы за такое возьмётся. Обычно они... другие.

— Какие? — невольно вырвалось у Арины.

— Ну, — он замялся, подбирая слова, и в полумраке горницы его серые глаза казались почти чёрными, глубокими, как омут. — Капризные. Брезгливые. Привыкшие, что за них всё делают. Думают, что деревенская жизнь — это сплошная идиллия: парное молоко, сенокос под луной, хороводы. А как до дела доходит — нос воротят.

— Я не такая, — твёрдо сказала Арина, и в голосе её прозвучало что-то, чего она сама не ожидала — почти вызов. — Я не за идиллией приехала. Я за... за настоящим.

Дмитрий посмотрел на неё долгим взглядом, и в глазах его мелькнуло что-то — не то удивление, не то понимание.

— За настоящим, — повторил он задумчиво. — Это хорошо. Здесь настоящего много. Может, даже слишком. Его здесь больше, чем в иных местах, потому что оно ничем не прикрыто. И красота здесь настоящая, и страх — тоже.

Последние слова он произнёс с какой-то странной интонацией, и Арина вдруг поняла, что он не случайно заговорил о страхе. Будто знает. Будто видит её насквозь.

Она опустила глаза, боясь выдать себя. Тётушка, почувствовав повисшее в воздухе напряжение, ловко перевела разговор на другую тему — на виды на урожай будущего года, на цены на ярмарке в городе, на то, что кто-то из соседей продал корову. Арина слушала вполуха, но мысли её то и дело возвращались к дневному происшествию, к колокольне, к той девушке. Руки её под столом мелко дрожали, и она сжимала их в кулаки, чтобы унять эту дрожь.

Дмитрий, допив чай, поднялся, собираясь уходить. Арина, повинувшись какому-то внутреннему порыву, тоже встала и вышла за ним на крыльцо, накинув на плечи тётушкин тулуп.

Ночь была тёмная, безлунная, только редкие звёзды мерцали в разрывах облаков. Морозный воздух обжёт лицо, но после душной горницы это было даже приятно. Дмитрий остановился у калитки, поправил съехавший на затылок картуз.

— Вы что-то хотели спросить, Арина Григорьевна? — обернулся он к ней. — Я видел, вы всё время молчали, но в глазах у вас был вопрос.

Арина замерла. Он действительно видел. Он видел больше, чем она думала.

— Дмитрий Сергеевич, — начала она и запнулась, не зная, как сформулировать то, что мучило её весь вечер. — Вы... вы верите в то, что рассказывают? Ну, про колокольню? Про девушек, которые пропадали? Про звон?

Он долго молчал, глядя куда-то в темноту, туда, где за лесом угадывалась та самая колокольня. Лица его не было видно, только силуэт на фоне звёздного неба, но Арина чувствовала, как напряглась его спина.

— Верю, — сказал он наконец, и голос его прозвучал глухо, почти сурово. — Потому что сам видел.

Арина вздрогнула и шагнула ближе.

— Что видели? — спросила она шёпотом.

— Колокольню. — Он повернулся к ней, и в темноте блеснули его глаза. — И слышал звон. Один раз, давно, когда ещё мальчишкой был. Забрел в лес дальше обычного, заплутал немного. И вдруг слышу — звон. Тихий такой, печальный, прямо за душу берёт. Я пошёл на звук, думал, может, монастырь какой, служба идёт. А вышел на поляну — и увидел её. Эту колокольню. Она тогда ещё целее была, не так заросла. И колокол висел, и он... он качался. Сам по себе, хотя ветра не было.

Он замолчал, и в этом молчании было столько пережитого ужаса, что Арина не решалась дышать.

— Я стоял и смотрел, — продолжал Дмитрий. — И вдруг мне показалось, что из-за колокольни кто-то вышел. Тень. Человеческая тень. Она стояла и смотрела на меня. Я тогда не знал, кто это, но чувствовал — чужое, нездешнее, страшное. Я побежал. Бежал, не разбирая дороги, выскочил к озеру только под утро. И с тех пор обхожу то место стороной. Даже сейчас, когда вырос, когда многое узнал и многое понял, — не хожу. И вам не советую.

Арина слушала, затаив дыхание. Его рассказ почти слово в слово повторял её собственные ощущения. Значит, не показалось. Значит, то, что она видела — тень девушки, звон, — всё это реально. Существует.

— А что это было? — спросила она. — Кто эта тень?

— Не знаю, — честно ответил Дмитрий. — И знать не хочу. Есть вещи, в которые лучше не соваться. Особенно таким, как вы... как мы. Живым. Тот мир, он для нас закрыт. И хорошо, что закрыт. А если открывается — значит, не к добру.

Он шагнул к калитке, но на мгновение задержался.

— Арина Григорьевна, — сказал он тихо, но очень серьёзно. — Я, конечно, не вправе вам указывать. Но вы... вы поберегитесь. Если услышите звон — не ходите на него. Если увидите что-то странное — не смотрите. Здесь, на Валдае, такие места есть... древние. Сильные. И не всегда добрые.

Он открыл калитку и вышел в темноту, не оглядываясь. Арина долго стояла на крыльце, глядя ему вслед, пока его фигура не растворилась в ночи. Холод пробирался под тулуп, но она не чувствовала его. Она думала о том, что он сказал, и о том, что видела днём. И о том странном чувстве, которое возникло в ней при виде той девушки, — не только страхе, но и каком-то щемящем, тоскливом притяжении.

Вернувшись в горницу, она застала тётушку за уборкой посуды.

— Поговорили? — спросила та без особого любопытства, но Арина уловила в её голосе настороженность.

— Поговорили, — кивнула Арина, снимая тулуп.

— Дмитрий — человек хороший, — сказала тётушка, вытирая руки о фартук. — Надёжный. Ты, ежели что, обращайся к нему. Он поможет.

— Я знаю, тётушка.

Арина легла на свою лавку, укрылась лоскутным одеялом, но сон не шёл. Она лежала с открытыми глазами, глядя в темноту, и слушала, как потрескивают дрова в печи, как поскрипывает половица под тяжестью тётушкиных шагов, как ветер шуршит за окном сухой травой. И где-то далеко, на самой грани слышимости, ей всё чудился тот тихий, печальный звон.

Она закрыла глаза и провалилась в сон незаметно для себя.

И тут же очутилась там.

Она стояла у подножия колокольни, но теперь колокольня была другой — огромной, уходящей прямо в чёрное, беззвёздное небо, сложенной не из кирпича, а из тёмного, отполированного до зеркального блеска металла. Колокол на ней был не один, а множество — целая гроздь, как виноград, и все они раскачивались, хотя ветра не было, и звенели оглушительно, пронзительно, и звон этот разрывал голову, проникал в каждую клетку тела, и не было от него спасения.

А потом из темноты выступил он.

Высокий, бледный, в старинном тёмно-вишнёвом кафтане, расшитом серебряными нитями, с чёрными, как смоль, волосами, перехваченными на затылке тонким серебряным шнуром, и глазами — чёрными, бездонными, в которых не было ни зрачков, ни белков, только пустота, только ночь. Он смотрел на неё, и в этом взгляде не было ничего — ни злобы, ни интереса, ни даже любопытства. Только пустота. И в этой пустоте Арина вдруг почувствовала такую бездну одиночества, такой вековой, вселенский холод, что у неё перехватило дыхание.

— Ты пришла, — сказал он. Голос его звучал не снаружи, а внутри неё, прямо в голове, и от этого голоса по спине побежали мурашки.

— Я не хотела, — ответила Арина, и голос её прозвучал жалко, по-детски. — Я заблудилась. Я не знала, куда иду.

— Ты пришла, — повторил он, и в пустоте его глаз мелькнуло что-то, похожее на тень. — Теперь поздно.

И протянул к ней руку — бледную, неестественно длинную, с тонкими, словно выточенными из кости пальцами.

Арина проснулась с криком.

Она села на лавке, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так, что, казалось, разорвёт грудь. Рубашка прилипла к телу от пота, волосы растрепались, спутались. В горнице было темно и тихо, только лампада теплилась перед иконами, отбрасывая на стены дрожащие, причудливые тени.

— Господи, — прошептала она, прижимая руку к груди, туда, где под рубашкой висел подаренный бабушкой маленький медный крестик. — Господи, спаси и сохрани.

Она долго сидела, глядя на мерцающий огонёк лампы, пока сердце не успокоилось, а дыхание не стало ровным. Сон был слишком реальным, слишком страшным. И этот голос, и эти глаза... и это «теперь поздно».

«Что это значит? — думала она. — Почему поздно? И кто он?»

Она не знала ответов. Но одно она поняла с пугающей ясностью: то, что случилось с ней сегодня, — не случайность. И звон, и видение у колокольни, и этот сон — всё связано. И ей предстоит узнать об этом больше, гораздо больше, чем хотелось бы.

За окном завыл ветер, и в его завывании ей на миг почудился всё тот же далёкий, печальный звон. Арина зажмурилась, закрыла уши руками и начала шептать молитву, которую помнила с детства: «Отче наш, иже еси на небесех...»

Постепенно страх отступил, уступив место тупой, тягучей усталости. Она лежала, натянула одеяло до подбородка и долго лежала, глядя в темноту, пока сон не сморил её окончательно.

Утро следующего дня было серым, ветреным. Арина проснулась с тяжёлой головой и чувством, что не спала вовсе. Тётушка уже хлопотала у печи, и запах свежих блинов немного примирил Арину с действительностью. Она оделась, вышла к завтраку, стараясь не показывать своего состояния.

— Ну, как спалось? — спросила тётушка, ставя перед ней тарелку с горкой румяных блинов.

— Хорошо, тётушка, — соврала Арина, отводя взгляд. — Очень хорошо.

— Ну и ладно, — кивнула Марья Ильинична, но в глазах её мелькнула тень сомнения. Она слишком хорошо знала людей, чтобы не заметить, что девка не в себе, но допытываться не стала — знала, что всему своё время.

За окном моросил мелкий, противный дождь, перемешанный с мокрым снегом. Небо обложило тяжёлыми тучами, и день обещал быть тоскливым. Арина сидела за столом, ковыряла блин, и думала о том, что сегодня вечером надо будет снова лечь спать, а значит, снова увидеть этот страшный сон. Или не увидеть? Может, это было лишь однажды?

Она не знала. Но где-то глубоко внутри, в том потаённом уголке души, который открылся в ней после вчерашнего, она чувствовала: это только начало. И впереди её ждёт нечто такое, что перевернёт всю её жизнь.

Глава 5. Ночной кошмар

Следующие несколько дней после того странного сна и разговора с Дмитрием тянулись для Арины медленно и тягостно. Днём она старалась не думать о колокольне, о той девушке в светлом платье, о чёрных глазах из сновидения. Хозяйство, бесконечные хлопоты по дому, разговоры с тётушкой занимали мысли, не оставляя места для страха.

Но стоило солнцу опуститься за горизонт, как страх возвращался. Он подкрадывался незаметно, выползал из тёмных углов горницы. Арина боялась ложиться спать. Боялась того момента, когда сознание начнёт уплывать, уступая место снам.

Она засыпала только под утро. И даже тогда сон был чутким, тревожным.

Тётушка Марья замечала её состояние, но молчала. Только поила на ночь отварами трав. А потом началось другое.

Однажды вечером, когда тётушка уже ушла за перегородку, Арина почувствовала, что задыхается в душной горнице. Она накинула пуховый платок и вышла на крыльцо.

Ночь была лунная. Луна висела над озером огромная, жёлтая, заливая всё вокруг призрачным светом. Арина смотрела на эту красоту и чувствовала, как уходит тревога. Она глубоко вдохнула морозный воздух и вдруг... почувствовала на себе взгляд.

Не просто ощущение — это был физический, почти осязаемый толчок. Она медленно повернула голову к лесу.

Там, на опушке, где начиналась тропинка, стояла тьма. Не просто темнота — ночь была светлой. Там стояла тьма. Густая, плотная, живая. У неё не было глаз, но Арина чувствовала взгляд. Холодный, тяжёлый, голодный.

Арина замерла, не в силах пошевелиться. Хотелось закричать, но голос пропал.

И тьма шевельнулась. Медленно, плавно она выступила из-за деревьев и сделала шаг к дому. Один шаг. Второй. Она росла, ширилась, заполняя собой пространство.

— Арина! — голос тётушки, раздавшийся сзади, прозвучал как гром.

Арина рванулась, влетела в сени и захлопнула дверь. Прижалась к ней спиной, тяжело дыша.

— Ты чего? — тётушка стояла в проёме со свечой.

— Там... — выдохнула Арина. — Там, в лесу... что-то смотрит. Тьма. Живая.

Тётушка Марья выглянула в окно, долго вглядывалась в ночь.

— Ничего там нет, — сказала она наконец ровно, но Арина заметила, как дрогнула её рука. — Померещилось тебе с перепугу.

— Я видела, — упрямо повторила Арина, хотя зубы стучали. — Она смотрела на меня.

Тётушка обернулась, посмотрела на неё долгим взглядом.

— Иди спать, — сказала она устало. — Перекрестись на ночь и ложись.

Арина послушалась. Лёгла, но не смыкала глаз до самого утра. Лежала, глядя в потолок, и всё время чувствовала: там, за окном, что-то есть. Что-то ждёт.

Наутро, едва забрезжил рассвет, она выскочила на крыльцо. Лес стоял обычный — спокойный, заснеженный. Никакой тьмы.

«Показалось», — сказала она себе. Но знала: не показалось.

Вернувшись в дом, она застала тётушку за привычным занятием.

— Ну что, утомилась? — спросила Марья Ильинична. — Садись завтракать.

Арина села, но есть не могла.

— Слушай меня, девонька, — сказала тётушка тихо, но очень серьёзно. — То, что ты вчера видела... это не просто так. Места у нас здесь древние. Ещё до крещения здесь люди жили. И сила здесь осталась. Древняя, тёмная сила. Она спит обычно. Но иногда просыпается.

И когда просыпается — ищет, к кому прилепиться. Кто тоньше чувствует, кто открыт, кто... одинок. Ты, девонька, одинока. Душа у тебя раненая, открытая. Вот она и тянется к тебе.

— Кто — она? — прошептала Арина.

— А кто ж его знает, — покачала головой тётушка. — Может, то, что в колокольне той живёт. Про которую байки рассказывают. Ты будь осторожна. Очень осторожна.

— А Дмитрий? — спросила Арина. — Ему можно рассказать?

Тётушка помолчала, потом кивнула.

— Дмитрий — человек знающий. Если что — к нему иди.

Она поднялась, но Арина остановила её:

— Тётушка, а вы... верите? В то, что там, в колокольне, кто-то есть?

Марья Ильинична обернулась.

— Я, милая, во что хочешь поверю, — сказала она тихо. — Потому что своими глазами на этом свете многое повидала.

Глава 6. Знахарь

Утро после разговора с тётушкой выдалось серым и ветреным. Низкие облака ползли над озером, вода казалась мёртвенно-белёсой. Арина сидела на крыльце, закутавшись в тулуп. Ночь она почти не спала — проваливалась в тревожную дремоту.

Тётушка Марья ушла ещё затемно — к Дмитрию. Арина осталась одна, и это одиночество, ещё недавно казавшееся ей благословенным, теперь давило.

Она уже подумывала вернуться в дом, когда увидела его.

Дмитрий шёл по тропинке от леса, не со стороны деревни, а с той самой опушки, где прошлой ночью стояла тьма. Шёл он медленно, спокойно, и в руке нёс плетёную корзинку с травами.

Заметив её, Дмитрий прибавил шагу и через минуту уже стоял у калитки.

— Доброе утро, Арина Григорьевна, — сказал он, приподнимая картуз. — Тётушка Марья заходила, рассказывала. Я вот решил проведать, заодно трав свежих принёс. От тревоги, от бессонницы.

Он говорил спокойно, буднично, и это спокойствие подействовало на Арину лучше всяких утешений. Она даже улыбнулась.

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, — сказала она, отворяя калитку. — Проходите. Тётушки нет, но я, кажется, могу предложить вам чаю.

— От чаю не откажусь, — кивнул он.

Они прошли в дом. Арина зажгла лампу, поставила чайник. Дмитрий сел за стол и начал перебирать травы.

— Вот это зверобой, — говорил он, показывая на жёлтые соцветия. — От тоски хорошо помогает. Это пустырник — от тревоги. А это, — он взял в руки пучок невзрачной серо-зелёной травы, — это особенная трава. Я её в самых глухих местах собираю, где болота. Она от дурных снов помогает и... ну, скажем так, от незваных гостей.

Он поднял на Арину глаза, и в них мелькнуло что-то, от чего ей стало не по себе. Он знал. Он всё знал — и про тьму, и про её страхи.

— Тётушка рассказала? — спросила она, ставя перед ним кружку с дымящимся чаем.

— Рассказала, — кивнул Дмитрий. — Но я и без неё догадывался. Помните, я говорил вам, что сам слышал звон и видел ту тень? Так вот, с тех пор я многое узнал. И про это место, и про то, что там живёт. И про таких, как вы.

— Каких — как я? — Арина села напротив.

— Чутких, — ответил он просто. — Открытых. Тех, кто может слышать то, что другие не слышат, и видеть то, что другие не видят. Такие люди редко рождаются, но они есть. И они всегда притягивают к себе... это.

Он замолчал, помешивая чай. Арина ждала.

— Я с детства такой, — продолжил он после паузы. — Бабка моя, царствие ей небесное, тоже была. Она меня и учила. И травам, и заговорам, и тому, как с этим миром... ну, с тем, который рядом, но невидим, — как с ним общаться, чтобы себе во вред не было. Она говорила: есть места, где грань между мирами тонкая. Валдай — одно из таких мест. А колокольня та — самое гиблое место. Там, где грань почти стёрта.

— А что там? — спросила Арина шёпотом.

Дмитрий долго молчал, глядя на неё своими серыми, глубокими глазами. Потом ответил:

— Никто не знает наверняка. Легенды говорят — княжич, которого убили и душу его заточили в колокол, чтобы не мог уйти. Но легенды легендами, а я, когда видел ту тень... это было не человеческое. Оно было... пустое. Как прорва, как бездонная яма. И при этом голодное.

Арина похолодела. Она вспомнила ту девушку в светлом платье, её мёртвую улыбку.

— Вы думаете, я уже... стала его добычей? — спросила она.

— Нет, — твёрдо сказал Дмитрий. — Если бы стали, вы бы не сидели здесь со мной. Вы бы уже были там. Но вы пока просто... отмечены. Оно вас заметило. И теперь будет приходить. Во снах, в видениях. Будет звать, манить. А вы должны не поддаваться.

— Но как? — вырвалось у Арины. — Я чувствую, как оно тянет меня. Даже сейчас, когда говорю с вами, мне хочется пойти туда. Не могу объяснить почему, но хочется.

Дмитрий накрыл её руку своей. Ладонь у него была тёплая, шершавая, надёжная.

— Потому что оно питается вашим страхом и вашим одиночеством, — сказал он. — Вы одна, вы напуганы, вы ищете утешения. А оно предлагает иллюзию. Не верьте.

«Но почему эта иллюзия так сладка? — подумала Арина, глядя на его руку, накрывшую её ладонь. — Почему, когда я думаю о той тьме, меня не только страх охватывает, но и... что-то ещё?»

— Что мне делать? — спросила она.

— Во-первых, пить травы, которые я принес, — улыбнулся он. — Во-вторых, постараться не оставаться одной. Особенно по ночам. Я буду приходить каждый вечер, если позволите.

— А если вы не успеете? — прошептала Арина.

— Успею, — твёрдо сказал он. — Я быстро бегаю. И лес знаю как свои пять пальцев.

Он улыбнулся, и от этой улыбки — простой, человеческой, тёплой — у Арины защипало в глазах.

— Спасибо вам, Дмитрий Сергеевич, — сказала она. — Вы даже не представляете, как мне сейчас важно слышать эти слова.

— Представляю, — ответил он серьёзно. — Потому что сам через то же прошёл. И меня тоже спасли — словом и делом. Теперь мой черёд.

Он допил чай и поднялся.

— Мне пора. А вы, Арина Григорьевна, постарайтесь сегодня днём отдохнуть. Не думайте о плохом. А вечером я приду. Обещаю.

Он ушёл, а Арина осталась сидеть за столом, глядя на пучки трав. В доме было тихо, но теперь эта тишина не пугала её.

Она взяла пучок пустырника, поднесла к лицу, вдохнула горьковатый запах. И вдруг поняла: она не одна.

Весь день она провела в хлопотах. К вечеру даже почувствовала голод. Когда солнце начало клониться к закату, она вышла на крыльцо и увидела Дмитрия. Он шёл по тропинке от своей усадьбы, и в руках у него была старая гитара.

— Решил, что музыка тоже помогает, — сказал он, подходя. — Если вы не против, конечно.

— Я не против, — улыбнулась Арина. — Напротив, очень рада.

Они сидели на крыльце, пока совсем не стемнело. Дмитрий играл старинные русские романсы и пел негромким голосом. Арина слушала, и ей казалось, что вместе с этими песнями из её души уходит что-то тяжёлое.

Когда он уходил, она вдруг окликнула его:

— Дмитрий Сергеевич!

Он обернулся.

— Спасибо вам. За всё.

— Не за что, — ответил он. — Завтра приду снова.

Она вошла в дом, заварила на ночь трав, как велел Дмитрий, выпила горьковатый настой и закрыла глаза. Долго лежала, прислушиваясь к себе. Но звон не приходил. И тьма за окном была просто тьмой.

Впервые за много ночей Арина уснула спокойно.

Глава 7. Поиски

Дни потянулись чередой, один похожий на другой. Дмитрий приходил каждый вечер. Они сидели на крыльце, пили чай, разговаривали о пустяках. Иногда он приносил гитару. Арина слушала, закрыв глаза, и ей казалось, что она слышит не просто музыку, а самую душу этого края.

Тётушка Марья, глядя на них из окна, только головой покачивала да улыбалась.

Но ночи по-прежнему были тяжёлыми.

Несмотря на травы, Арина просыпалась каждую ночь в одно и то же время — без четверти три. Просыпалась внезапно, словно от толчка. Сердце колотилось, в ушах стоял звон.

Однажды, когда она в очередной раз проснулась в холодном поту, ей показалось, что в углу комнаты кто-то стоит. Она не видела, но чувствовала — присутствие, чужое, холодное, голодное. Смотрела в темноту, закусив губу до крови, и молилась. Через минуту чувство ушло.

Утром она рассказала об этом Дмитрию.

Он слушал молча, хмурясь всё сильнее. Потом сказал:

— Я знаю одного человека. Вернее, не совсем человека. Старец. Живёт в лесу, на болоте. Велеславом кличут. Говорят, ему двести лет, а может, и больше. Он многое знает. Про такие вещи. Если кто и может помочь, так это он.

— Двести лет? — недоверчиво переспросила Арина. — Так не бывает.

— Здесь, на Валдае, многое бывает, чего в вашем Петербурге не бывает, — усмехнулся Дмитрий. — Вы уж мне поверьте.

— Вы думаете, он согласится меня принять?

— Не знаю, — честно ответил Дмитрий. — Но попробовать стоит. Только... он странный. И дорогу к нему найти трудно. Болото там, места гиблые. Кто не знает — запросто сгинуть может. Но если вы согласны, я попробую проводить.

Арина думала недолго. То, что приходило к ней по ночам, с каждым разом становилось всё настойчивее.

— Согласна, — сказала она. — Когда пойдём?

— Завтра с утра, — решил Дмитрий.

Утро встретило их густым туманом. Дмитрий шёл впереди уверенно. Арина едва поспевала за ним.

— Вы уверены, что мы идём правильно? — спросила она, когда туман сгустился.

— Уверен, — ответил Дмитрий не оборачиваясь. — Я эту дорогу с детства знаю. Хотя... — Он вдруг остановился. — Странно. Здесь должен быть поворот на старую тропу, а её нет. Заросла, что ли?

Он свернул чуть правее, прошёл ещё несколько шагов и снова остановился.

— Не пойму, — пробормотал он. — Место знакомое, а тропы нет. Будто кто-то специально их спутал.

Они бродили по лесу до самого вечера, но так и не нашли болота. Лес словно сговорился против них. Тропинки исчезали, овраги разверзались под ногами, ориентиры оказывались не на своих местах.

«Может, это знак? — думала Арина, с трудом поспевая за Дмитрием. — Может, не надо мне туда? Но если не туда, то куда? И зачем?»

Она чувствовала, как внутри неё растёт странное, тягучее притяжение. Не к старцу, нет. К чему-то другому. К тому, что таилось в глубине леса, за этой непроходимой чащей. К тому, что звало её по ночам.

Когда они остановились передохнуть, Арина почувствовала, как силы покидают её. Не физические — она была молода и здорова, — а какие-то другие, внутренние. То, что жило в

ней и тянуло к колокольне, становилось сильнее с каждым днём. Звон по ночам звучал громче, настойчивее.

— Я больше не могу, — прошептала она, глядя на Дмитрия остановившимися глазами. — Оно зовёт меня. Сильнее, чем раньше. Я боюсь, что однажды ночью просто встану и пойду. И не смогу остановиться.

Дмитрий посмотрел на неё долгим взглядом.

— Завтра пойдём снова, — сказал он. — И будем ходить, пока не найдём. Он должен нам помочь.

Но на следующий день случилось то, чего они не ожидали.

Они зашли в лес дальше обычного. Дмитрий вёл их каким-то своим чутьём. Лес стоял тихий, настороженный. Арина чувствовала, как с каждым шагом её охватывает странное оцепенение.

— Дмитрий, — окликнула она, но голос прозвучал глухо. — Мне кажется, мы не туда идём.

— Туда, — ответил он, но в голосе впервые прозвучала неуверенность.

Они прошли ещё немного, и вдруг лес кончился. Они стояли на краю огромной трясины. Вдалеке, на островке, виднелась покосившаяся избушка.

— Это оно, — выдохнул Дмитрий. — Мы дошли.

Едва они ступили на зыбкую почву, как всё вокруг пришло в движение. Трясина заходила ходуном, и отовсюду раздался леденящий душу шёпот.

Арина вскрикнула и схватилась за Дмитрия.

— Уходим! — скомандовал он, хватая её за руку. — Быстро!

Они побежали назад, проваливаясь в холодную жижу. Шёпот преследовал их, звучал в ушах. Они выскочили на опушку только к вечеру, обессиленные, с диким ужасом в глазах.

Дома тётушка Марья бросилась отпаивать их отварами. Арина долго не могла прийти в себя. Дмитрий был мрачнее тучи.

— Больше не пойдём, — сказал он. — Не пускает. Сила там большая, не нашего ума дело. Будем думать, что делать дальше.

— А что мы можем сделать? — спросила Арина.

— Не знаю, — честно ответил Дмитрий. — Но я не сдамся.

Она легла и закрыла глаза. Она была так измучена, что провалилась в сон мгновенно.

И тут же очутилась там.

Она стояла посреди бесконечной серой равнины. Земля под ногами была странной — гладкой, холодной, металлической. Ни деревца, ни травинки. Только серое небо и тишина.

Она пошла вперёд. И вдруг увидела вдалеке что-то тёмное. Приблизилась — это была колокольня. Величественная, грозная, сложенная из серого металла. А наверху висел колокол. Он не звонил, но Арина чувствовала — он жив.

Из тени у подножия выступила фигура.

Высокий, бледный, в тёмном кафтане, с чёрными волосами и глазами — чёрными, бездонными.

Она не могла отвести взгляд. В его облике было что-то пугающе-притягательное. Чёрные, как смоль, волосы падали на плечи, обрамляя лицо с точеными, словно вырезанными из слоновой кости чертами. Высокий лоб, прямая линия носа, чётко очерченные, но бледные, почти бескровные губы. Но главное — глаза. Чёрные, бездонные, в которых, казалось, кружилась сама вечность. В них не было ни зрачков, ни белков — только тьма, но тьма живая, дышащая. И когда она смотрела в них, ей чудилось, что она видит звёзды, падающие в бесконечный колодец.

— Ты пришла, — сказал он. Голос его звучал ровно, без эмоций, но в нём чувствовалась такая древняя сила, что у Арины подкосились колени. — Я знал, что ты придёшь. Они все приходят.

— Кто — все? — прошептала Арина, чувствуя, как её собственный голос кажется ей жалким и писклявым.

— Те, кто слышит, — ответил он. — Те, кто может слышать мой звон.

Он шагнул к ней, и Арина увидела, что он не идёт, а плывёт над землёй, не касаясь её. Страх сковал её, но она не могла пошевелиться.

— Не бойся, — сказал он, и в голосе его впервые прозвучало что-то похожее на человеческое. — Я не сделаю тебе больно. Я только хочу посмотреть на тебя. Ты другая. В тебе есть свет.

«Свет? — подумала Арина. — Какой свет? Во мне только страх и пустота».

Но что-то в его словах отозвалось в ней странным, щемящим чувством. Никто и никогда не говорил ей такого. В Петербурге ценили её происхождение, воспитание, умение держать себя в обществе. Но чтобы в ней был свет... Это было ново. Это отозвалось в ней чем-то давно забытым, почти родным.

— Останься со мной, — прошептал он, протягивая к ней руку. — Навсегда. Твой свет согреет меня.

Арина смотрела на его руку — бледную, неестественно длинную, с тонкими, словно выточенными из кости пальцами. И чувствовала, как внутри неё поднимается странное, тёплое чувство. Жалость? Он был так одинок, так страшен в своём одиночестве.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он замер, и в чёрных глазах его мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Меня? — переспросил он. — Меня... давно никто не спрашивал. Меня зовут Звенислав.

— Звенислав, — повторила Арина. — Красивое имя.

И в этот миг мир вокруг неё дрогнул, поплыл.

Глава 8. Зов

— Арина! Арина, очнись!

Голос тётушки вырвал её из бездны. Она открыла глаза и увидела над собой встревоженное лицо Марьи Ильиничны.

— Ты кричала во сне, — сказала тётушка. — Что случилось?

Арина села на лавке, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле. Она провела рукой по лицу и вдруг замерла.

На пальцах осталась серебристая, мелкая пыль.

— Где я была? — прошептала она, глядя на тётушку остановившимися глазами. — Где я была, тётушка?

Марья Ильинична посмотрела на её руку, на эту странную пыль, и лицо её сделалось серым.

— Не знаю, девонька, — перекрестилась она. — Но место это не наше, не здешнее.

Арина снова легла, но глаз не смыкала до самого утра. Всё думала о нём — о Звениславе. О его глазах, полных вековой тоски. О его словах: «Ты можешь меня спасти».

И о том, что, несмотря на весь ужас, ей почему-то хотелось ему верить.

Она вспоминала школу благородных девиц, где их учили рассудочности, умению владеть собой, не поддаваться эмоциям. Её готовили к роли жены и матери, к жизни в обществе, где всё подчинено правилам и приличиям. Но там не было места для такого — для этого древнего, животного притяжения к существу из другого мира.

Утро после того странного сна выдалось солнечным, но холодным. Мороз разрисовал окна узорами. Арина сидела на лавке, закутавшись в шаль, и смотрела на заиндеветые стёкла, но видела не их, а то, другое — бескрайнюю серую равнину, металлическую колокольню и чёрные глаза, полные вековой тоски.

Рука её всё ещё хранила память о серебристой пыли. Она тёрла пальцы, но пыль исчезла.

Тётушка Марья, хлопотавшая у печи, обернулась на шёпот, но ничего не сказала. Только вздохнула тяжело и перекрестилась на иконы.

Дмитрий пришёл после обеда.

— Я вижу, вы не спали, — сказал он, вглядываясь в её лицо. — Опять сны?

— Не сны, Дмитрий Сергеевич, — ответила она тихо. — Я была там. По-настоящему.

И видела его.

Он замер, нахмурился.

— Кого?

— Того, кто в колокольне. Княжича. Его зовут Звенислав.

Он увёл её в дом, усадил за стол.

— Рассказывайте, — велел он. — Всё.

Арина рассказала. И про серую равнину, и про колокольню, и про то, как Звенислав назвал своё имя.

Когда она закончила, он долго молчал.

— Вы ему не верьте, Арина Григорьевна, — сказал он наконец. — Он не человек. Он — тень, память, может, даже зло. То, что он говорит о спасении, — это ловушка. Они все так говорят, те, кто живёт по ту сторону. Обещают свет, а дают тьму.

— А если не ловушка? — возразила Арина. — Если он действительно страдает и ищет избавления?

— Вы хотите его спасти? — Дмитрий посмотрел на неё с удивлением и тревогой. — Ценой своей жизни?

— Я не знаю, — честно ответила Арина. — Но я чувствую, что не могу просто отвернуться. Он так одинок, Дмитрий Сергеевич. Вы бы видели его глаза. В них такая тоска, такая пустота, что сердце разрывается.

— Он мёртв, Арина, — твёрдо сказал Дмитрий. — Мёртв уже несколько столетий. В нём нет ничего человеческого, только голод. И если вы пойдёте к нему, он вас сожрёт.

— А если я смогу изменить его природу? — прошептала Арина.

Дмитрий смотрел на неё и видел, как меняется её лицо. В нём появлялось что-то новое — решимость, почти одержимость. И это пугало его больше, чем любые ночные видения.

Он ушёл, а Арина осталась одна. Сидела за столом, глядя на угасающий за окном свет, и думала о Звениславе. О его глазах, полных тоски, о его голосе, в котором звучала такая безнадежность, что хотелось плакать.

Вечер опустился на деревню синий, морозный. Тётушка Марья хлопотала, поила чаем, рассказывала какие-то истории. Арина слушала вполуха, но мысли её были далеко.

Когда стемнело окончательно, она легла на свою лавку, укрылась одеялом и закрыла глаза. Долго лежала, прислушиваясь к себе.

И вдруг он пришёл.

Сначала тихий, едва различимый. Потом громче, настойчивее, и в нём уже не было прежней пустоты — в нём звучала мольба. Звенислав звал её. Не приказывал, не манил, как раньше, а именно звал, просил, умолял.

Арина села на постели, зажимая уши руками, но звон проникал сквозь пальцы, звучал прямо в голове, и с каждым ударом сердце её отзывалось на него.

— Не ходи, — услышала она вдруг голос тётушки.

Марья Ильинична стояла на пороге, бледная, с зажжённой свечой в руке.

— Не ходи, девонька, — повторила она. — Не слушай. Это обман.

— Я не могу, тётушка, — прошептала Арина. — Он зовёт меня. По-настоящему зовёт. Не как раньше. Он просит помощи.

— Просит? — горько усмехнулась тётушка. — Они все просят. А потом берут. И не отдают.

Но Арина уже встала. Накинула на плечи тулуп, сунула ноги в валенки. Движения её были медленными, заворожёнными, словно она шла во сне.

— Простите меня, тётушка, — сказала она, не оборачиваясь. — Я должна.

И вышла в ночь.

Лес встретил её тишиной. Деревья стояли неподвижно, залитые лунным светом. Арина шла, не разбирая дороги, но ноги сами несли её туда, куда нужно. Звон вёл её, как маяк ведёт корабль.

Колокольня выросла перед ней внезапно. Чёрная, огромная, она возвышалась над лесом, уходя в звёздное небо. Колокол на ней раскачивался, хотя ветра не было, и издавал тот самый звук. Арина подошла, положила руку на холодный, шершавый кирпич. Стена была ледяной, но под пальцами вдруг возникло тепло — слабое, едва уловимое, но живое.

«Он здесь. Он ждёт меня», — подумала она, и сердце её забилось быстрее не от страха, а от какого-то дикого, первобытного предвкушения.

— Я пришла, — сказала она громко, и голос её прозвучал в ночной тишине неожиданно отчётливо. — Ты звал — я здесь. Выходи.

Тишина. Потом из тени у подножия колокольни выступила фигура. Он был таким же, как во сне: высокий, бледный, в тёмном кафтане, с чёрными волосами и глазами — бездонными, чёрными.

При лунном свете он казался ещё более нереальным, чем во сне. Бледная кожа, отливающая серебром, чёрные волосы, в которых запутались звёзды, и глаза — эти страшные и пре-

красные глаза. Когда он смотрел на неё, Арина чувствовала себя так, словно проваливается в бездонный колодец, но падение это было не страшным, а сладким.

— Ты пришла, — сказал Звенислав, и голос его дрогнул. — Я не верил, что ты придёшь.

— Я пришла, — ответила Арина, чувствуя, как её собственный голос звучит глухо и неуверенно рядом с его глубоким, вибрирующим тоном. — Расскажи мне. Всё расскажи.

Он смотрел на неё долго, изучающе. Потом кивнул и шагнул ближе. Холод, исходивший от него, обжёг кожу, но Арина не отступила.

— Садись, — сказал он, указывая на большой камень у подножия колокольни. — История эта долгая. И страшная.

Глава 9. Исповедь

Ночь стояла над лесом тихая и прозрачная. Луна висела прямо над колокольней, заливая поляну призрачным светом. Арина сидела на большом замшелом валуне, кутаясь в тулуп, и смотрела на него. Звенислав стоял в двух шагах, и лунный свет, падая на его лицо, делал его ещё более бледным, почти прозрачным. Чёрные глаза его были устремлены куда-то вдаль.

— Я родился здесь, — начал он тихо. — Только тогда здесь не было леса — был терем, высокий, с золочёной кровлей. Мой отец, князь Святослав, поставил его на высоком холме. Я помню этот терем... помню запах сосновых брёвен...

Арина слушала, затаив дыхание. Его голос завораживал, убаюкивал, но в то же время держал в напряжении. Она смотрела на его руки, которыми он жестикулировал, рассказывая, и думала о том, что эти же руки, возможно, убивали. Но сейчас они казались ей просто красивыми — длинные пальцы, бледная кожа.

— Была у меня невеста. Милава, — продолжал он. — Я увидел её однажды на ярмарке...

Он улыбнулся — впервые за всё время — и улыбка эта была такой светлой, такой человеческой, что у Арины защемило сердце.

— А потом пришла война. Не знаю, кто это был — литва, разбойники или свои же... Они напали ночью... — Голос его дрогнул.

Он рассказывал о гибели родителей, о пытках, о том, как висел на колоколе, истекая кровью, и смотрел на восходящее солнце. Арина слушала, и сердце её разрывалось от жалости. Перед ней стоял не монстр, а несчастный, замученный мальчишка.

— А потом, когда я уже почти ничего не чувствовал, этот колокол зазвонил сам собой, — закончил он. — И в этом звоне я вдруг услышал голос. Он сказал: «Ты не умрёшь. Ты останешься здесь. Навсегда. Будешь звенеть и звать. И те, кто придёт на твой звон, отдадут тебе свои жизни.»

— И ты согласился? — прошептала Арина.

— У меня не было выбора, — горько усмехнулся он. — Я умирал. А он предлагал жизнь. Я согласился. И в тот же миг моя душа отделилась от тела и вошла в этот колокол.

— Сколько их было? — спросила она тихо.

— Семь, — ответил он. — Семь девушек за пятьсот лет. Я помню каждую. Их лица, их последние вздохи. Они приходили ко мне с надеждой, а я... я выпивал их до дна. Я чудовище, Арина. Ты должна это понимать.

— Ты не чудовище, — покачала она головой. — Ты жертва.

— Какая разница? — горько усмехнулся он. — Жертва или чудовище — исход один. Я убиваю тех, кто мне доверяет. И тебя убью, если ты останешься. Уходи, пока не поздно.

— А если я не хочу уходить? — спросила Арина, глядя ему прямо в глаза.

Он замер. В чёрных глазах его мелькнуло что-то, чего она не видела раньше — надежда, смешанная со страхом.

— Ты не понимаешь, — прошептал он. — Я сильнее тебя. Если я потеряю контроль, если голод возьмёт верх, я не смогу остановиться. Я высосу из тебя всю жизнь, и ты умрёшь. Как те семь.

— А ты попробуй не терять контроль, — твёрдо сказала Арина. — Ты говорил, что во мне есть свет. Что я могу тебя спасти. Так давай попробуем. Вместе.

«Господи, что я говорю? — мелькнула паническая мысль. — Это безумие. Он же только что признался, что убил семь человек. Но... но когда он смотрит на меня, я чувствую себя... нужной. По-настоящему нужной. Не как на петербургских балах, где все играют роли. Здесь всё по-настоящему. И он... он тоже настоящий».

Он смотрел на неё долго. Потом шагнул к ней, поднял руку и осторожно, словно боясь обжечься, коснулся её щеки.

Это прикосновение обожгло холодом, но Арина не отстранилась. Она смотрела в его глаза и видела в них отражение луны, леса, озера — и что-то ещё, что-то тёплое, живое, что рождалось в нём прямо сейчас.

— Спасибо тебе, — прошептал он. — За то, что пришла. За то, что слушаешь. За то, что не боишься.

— Я боюсь, — ответила она. — Очень боюсь. Но страх — не причина отказываться от того, что важно.

Луна зашла за облако, и поляна погрузилась в темноту. Арина почувствовала, как холодные пальцы Звенислава сжимают её руку, и вдруг поняла: что-то изменилось. Грань между ними, между мирами, стала тоньше.

— Мне пора, — сказала она, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. — Я вернусь. Обещаю.

— Я буду ждать, — ответил он. — Всегда.

Арина повернулась и пошла прочь от колокольни, не оглядываясь. Лес расступался перед ней. Она шла быстро, почти бежала.

У околицы её ждал Дмитрий. Бледный, встревоженный, с топором в руке.

— Жива? — выдохнул он. — Цела?

— Жива, — ответила Арина и вдруг разрыдалась, уткнувшись ему в грудь.

Дмитрий обнял её, прижал к себе, и они стояли так посреди заснеженной улицы.

Глава 10. Тайна

Солнце взошло над Валдаем багровое, тяжёлое. Арина сидела на крыльце дома тётушки Марьи, закутавшись в тулуп, и смотрела на лес, откуда пришла всего несколько часов назад. Глаза её были красны от слёз и бессонной ночи, но в глубине зрачков горел тот странный огонь, который появляется у людей, переживших нечто, переворачивающее всю жизнь.

Дмитрий стоял рядом и молчал.

— Ты замёрзнешь, — сказал он наконец. — Идём в дом.

Арина кивнула, но не двинулась с места.

— Он рассказал мне всё, — произнесла она тихо. — Про свою жизнь, про смерть, про тех девушек. Их было семь. И все они умерли из-за него. Не потому что он злой — потому что не мог иначе.

Дмитрий молчал.

— Ты ему веришь? — спросил он наконец.

— Верю, — просто ответила Арина. — Я видела его глаза. Такое не сыграть.

«Или сыграть? — тут же кольнула мысль. — В школе нас учили, что в свете все играют. Улыбки, реверансы, комплименты — всё ложь. Но там, у колокольни, не было света. Только луна, холод и он. И его глаза... если это игра, то он величайший актёр из всех, кого я встречала.»

— И что ты ему ответила?

— Что попробую помочь. Что не брошу.

Дмитрий вздохнул, провёл рукой по лицу.

— Знаешь, Арина, — начал он медленно, — я ведь тоже не сразу стал тем, кто я есть. Когда бабка моя умерла, я остался один с её знанием. И первое время тоже боялся. Боялся, что сила, которая во мне проснулась, возьмёт верх.

Он повернулся к ней.

— Твой княжич не боролся пятьсот лет. Он плыл по течению, брал то, что давали, и оправдывал себя голодом. Это не зло, Арина, это слабость. Слабость, которая стоит жизни семи девушкам. Ты уверена, что хочешь связать свою судьбу с таким существом?

— Он не существо, — возразила Арина. — Он человек. Был человеком. И остался им где-то глубоко внутри. И если я уйду сейчас, если брошу его, я ничем не буду лучше тех, кто его убил.

Дмитрий смотрел на неё долго.

— Ты либо самая смелая женщина, которую я встречал, либо самая безумная, либо просто глупая, — сказал он. — Или и то, и другое сразу.

— Может, и так, — улыбнулась она. — Но я не могу иначе.

— Понимаю, — кивнул он. — И, как бы мне ни было тяжело, я помогу тебе. Чем смогу. Потому что... — Он запнулся. — Потому что ты мне дорога.

Арина взяла его руку в свою, сжала.

— Спасибо, Дмитрий.

В доме пахло блинами. Тётушка Марья, увидев их на пороге, всплеснула руками.

— Нагулялись? — спросила она. — Садитесь завтракать.

Арина ела через силу, но с каждым куском чувствовала, как возвращаются силы. После завтрака Дмитрий ушёл, пообещав вернуться к вечеру. Арина осталась помогать тётушке по хозяйству.

К вечеру, когда солнце снова начало клониться к закату, она вышла на крыльцо. Воздух был морозный, чистый.

— Арина! — окликнул её Дмитрий.

Он стоял у калитки, и вид у него был встревоженный.

— Пойдём, — сказал он. — Я кое-что нашёл.

Он протянул ей потрёпанную тетрадь. Арина взяла её дрожащими руками, открыла наугад и замерла.

Почерк был старинным, но разборчивым. И первые строки заставили сердце её пропустить удар:

«Лето 6849-е от сотворения мира... записано сие мною, иноком Феофаном, бывшим духовником князя Святослава Валдайского. О страшном деле сем поведаю, дабы знали потомки, какая сила таится в земле нашей и какую цену платят люди за гордыню свою...»

— Это... это про него? — прошептала Арина.

— Про них, — кивнул Дмитрий. — Про весь род. Там много чего написано. И про колокольню, и про княжича, и про то, как он... как он стал тем, кем стал.

Арина подняла на него глаза, полные благоговейного ужаса.

— Где ты это взял?

— У деда Афанасия. Он хранит все старые бумаги, что от предков остались. Говорит, эту тетрадь его прапрадед нашёл в лесу, возле колокольни, ещё до того, как она совсем заброшенной стала. Видно, кто-то из монахов обронил, когда уходил. Или нарочно оставил, как предупреждение.

— Ты читал?

— Прочитал, пока тебя ждал. — Дмитрий помолчал. — Арина, там такое... я даже не знаю, как сказать. Тот, кого ты хочешь спасти, не просто жертва. Он сам выбрал свою участь. Сознательно. Из мести. Из гордыни.

— Что ты имеешь в виду? — Арина почувствовала, как холодеют пальцы.

— Прочти, — Дмитрий кивнул на тетрадь. — Сама всё увидишь. Только... будь готова. Правда может оказаться горше, чем ты думаешь.

Арина сжала тетрадь в руках, чувствуя под пальцами шершавую кожу переплёта, и вдруг поняла, что боится. Боится открыть эту книгу, боится узнать то, что может разрушить всё, во что она успела поверить.

Но выбора не было. Она должна была знать.

Тетрадь пахла старостью — плесенью, воском, сухими травами, которыми перекладывали листы, чтобы уберечь от сырости. Кожаный переплёт потрескался на сгибах, и оттуда сыпалась труха. Арина осторожно перевернула первую страницу, и перед ней предстали строки, выведенные твёрдой, уверенной рукой, с характерными для старинных рукописей выносными буквами и вязью.

«Лета 6849-го, месяца сентября в 15 день, на память святого мученика Никиты, начав писати сие, аз, недостойный инок Феофан, бывший духовник благоверного князя Святослава Валдайского. Да ведают потомки, какая скверна гнездится в земле нашей и как диавол уловляет души человеческие лестию и гордынею».

Арина вздрогнула. Начало было зловещим. Она перевела взгляд на Дмитрия, тот сидел рядом, заглядывая через плечо, и молчал. Свеча оплывала, бросая на пожелтевшие листы дрожащие тени.

«Князь Святослав, муж мудрый и благочестивый, поставил град свой на Валдайском озере, на месте, где издревле было капище идольское. Место то было проклятое, ибо язычники там кровь проливали и бесам поклонялись. Но князь, по совету священников, повелел сокрушить капище и воздвигнуть церковь во имя Пресвятой Богородицы. И была та церковь украшением всему краю, и люди крестились, и бесы бежали. Но, видно, не все бесы бежали, иные затаились, ждали своего часа».

Арина почувствовала, как холодок пробегает по спине. Она читала дальше, и строки становились всё более мрачными.

«У князя Святослава был единственный сын, Звенислав. Отрок сей с младых ногтей отличался нравом строптивым и гордым. Красив был лицом, силен телом, ума острого, но сердце имел чёрствое и жестокое. Любил он забавы кровавые — охоту, где самолично добивал зверя, и кулачные бои, где не щадил противников. Не раз князь-отец наказывал его, но ничто не помогало. Говорили, что в отроке том сидит бес гордыни, ибо прадед его был язычником и жрецом на том самом капище».

— О нём это, — прошептала Арина. — О Звениславе.

— Читай дальше, — тихо сказал Дмитрий.

«Когда минуло Звениславу шестнадцать лет, воспылал он страстью к девице простого звания, дочери смерда, что жил на окраине княжества. Девуцу звали Милава. Была она чиста и добра, и многие искали её руки, но она ни на кого не глядела, кроме княжича. А он, по науцению дьявольскому, возжелал её не как жену, а как игрушку. Обещал жениться, но сам только тешил свою похоть. Когда же Милава понесла от него, он прогнал её, боясь гнева отцова. Девушка от стыда утопилась в озере, и тело её нашли только через седмицу».

Арина зажмурилась. Этого Звенислав не рассказывал. Он говорил о Милаве с нежностью, называл невестой, а выходило совсем иное.

«Отец Милавы, смерд Прокопий, пришёл к князю Святославу с плачем и требовал правды. Князь, узнав о содеянном сыном, разгневался и повелел Звениславу жениться на убитой горем семье, дать выкуп и замолить грех в монастыре. Но Звенислав не покорился. Он бежал из терема и скрывался в лесах, где, по слухам, приносил жертвы на старом капище, моля бесов о помощи».

— Боже, — выдохнула Арина. — Он убил её? Он виноват в её смерти?

— Читай, — повторил Дмитрий. — Там ещё есть.

«И услышал его дьявол. Явился ему в образе чёрного всадника и сказал: „Дам тебе силу великую, да будешь княжить над всеми окрестными землями, и никто не посмеет тебе перечить. Но за это отдашь мне душу свою, и после смерти будешь вечно служить мне“. Звенислав, ослеплённый гордыней и злобой на отца, согласился. И стал он с того дня сам не свой — творил дела тёмные, насылал порчу на недругов, и сила его росла, но лицо его бледнело, а глаза становились чёрными, как угли».

— Это похоже на то, что он рассказывал, — прошептала Арина. — Только он говорил, что голос предложил ему жизнь в обмен на его душу, когда он умирал. А тут — он сам пошёл на сделку, ещё до смерти.

— Может, он и тогда соврал, — жёстко сказал Дмитрий. — Или запомнил за пятьсот лет. Читай, что дальше.

«Проклятый княжич вскоре довёл отца до гнева и скорби. Князь Святослав, видя, что сын его стал чужим, словно подменили его, хотел было запереть его в монастыре до покаяния, но не успел. Налетели на терем враги — не то литва, не то разбойники, а по правде — то были люди, которых Звенислав сам призвал, желая погубить отца и сесть на его место. Но тёмные силы обманули его: враги не пощадили никого. Князя убили, княгиню зарезали, а самого Звенислава схватили и приволокли к недостроенной колокольне, что возводили по обету князя Святослава».

Арина почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Если это правда, то Звенислав — не жертва, а предатель, убийца собственных родителей.

«И там, на колокольне, надругались над ним враги, а после повесили на верёвке прямо на колокол. И висел он долго, мучился, но не каялся. И когда умирал, возопил к тому, кому продал душу: „Помоги мне! Дай мне силу отомстить! Я буду твоим слугой вечно!“ И услышал его дьявол. Душа его, чёрная, как смоль, не нашла покоя ни в раю, ни в аду, а привязалась к тому колоколу, и стала звать живых, чтобы пить их жизнь и продлевать своё проклятое».

существование. И колокол тот сам собой звонит, заманивает путников, и кто услышит тот звон — пропадёт».

Дальше шли описания случаев, как люди гибли возле колокольни, как иноки пытались изгнать беса, но тщетно. Феофан заканчивал свою летопись предостережением:

«Посему завещаю всем, кто будет читать сие: не ходите к той колокольне, не слушайте звон, ибо там живёт неупокоенная душа, проданная диаволу. Молитесь за упокой княжича Звенислава, но знайте: нет ему прощения, пока не найдётся тот, кто сможет растопить лёд в его сердце и спасти его любовью. Но возможно ли сие? То ведает один Господь».

Арина захлопнула тетрадь. Руки её дрожали, в глазах стояли слёзы — не жалости, а какого-то горького разочарования. Всё, что он говорил, всё, чему она поверила, оказалось ложью? Или полуправдой? Или этот летописец ошибался?

— Ты веришь этому? — спросила она, глядя на Дмитрия.

— Верю, — просто ответил он. — Слишком многое сходится. И то, что он говорил тебе про голос, и про Милаву, и про смерть. Только он вывернул всё в свою пользу, представил себя жертвой. А по этой летописи выходит, что он сам был виноват. Сам навлёк беду. И сам продал душу.

— Но может, монах ошибался? — возразила Арина.

— Может, и так, — согласился Дмитрий. — Но зачем ему наговаривать? Он пишет это как предостережение. И потом, ты сама говорила, что он признался в гибели семи девушек. Значит, в нём есть тьма.

Арина молчала. Перед ней стоял сложный выбор: верить ли тому, что она услышала от Звенислава, или поверить древней летописи.

«Что же ты такое, Звенислав? — думала она, глядя на пожелтевшие страницы. — Княжич, жертва, убийца? Или всё вместе? Твоя история была так искренна, твои глаза... Неужели и это была ложь? Но тогда зачем тебе лгать мне? Чего ты хочешь?»

Истина, скорее всего, была где-то посередине. Но одно она знала точно: он не просто жертва. Он — сложное, противоречивое существо, в котором есть и свет, и тьма.

— Я должна спросить его, — решила она. — Прямо. Всё, что здесь написано. Посмотреть ему в глаза.

— Ты пойдёшь к нему снова? — Дмитрий нахмурился.

— Пойду. Сегодня же ночью. Я должна знать правду.

Глава 11. Вороны

Арина провалилась в сон неожиданно быстро — едва голова коснулась подушки, как сознание поплыло, истаяло, и она оказалась в ином месте, даже не успев испугаться. Словно невидимая сила подхватила её и перенесла через грань миров, туда, где не было ни дня, ни ночи, ни тепла, ни холода — только бесконечная, тягучая серая пустота.

Она стояла посреди металлической равнины, уходящей во все стороны до самого горизонта. Гладкая, холодная поверхность отражала её фигуру, но отражение было каким-то странным — плоским, неживым, словно она смотрелась не в зеркало, а в застывшую ртуть. Небо над головой светилось ровным, тусклым светом, без намёка на солнце или луну. Ни облачка, ни звезды, ни проблеска — только бесконечная серая гладь, давящая на глаза.

Арина сделала шаг. Металл под ногами отозвался глухим, ватным звуком, словно звук тонул в этой поверхности, не находя выхода. Ещё шаг, другой. Тишина здесь была особенной — не просто отсутствие звуков, а их полное, абсолютное отрицание. Она давила на уши, проникала в голову, и от этого начинала кружиться голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.